234

Б. С. УТЕВСКИЙ

КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ИСПРАВЛЯЕТ ПРЕСТУПНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР
МОСКВА — 1930

Б. С. УТЕВСКИЙ

КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ИСПРАВЛЯЕТ ПРЕСТУПНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
МОСКВА — 1930

Мособлит № 62412. МОСКВА. Тираж 5.000 экз.
Типография НКВД. М. Каменщики, 16. Зак. 637.

I. СТАРЫЕ ЦАРСКИЕ ТЮРЬМЫ.

С большим трудом и неохотно царское правительство решалось на открытие школы, но зато оно не жалело денег на тюрьмы. Не легко было побудить его построить новую школу или больницу. Совсем другое отношение встречала постройка новых тюрем, устройство каторжных работ и содержание огромной армии тюремщиков. Сюда царская казна лилась неограниченным потоком.

Иначе, конечно, и быть не могло.

Для царского правительства тюрьма была излюбленным средством борьбы со всеми врагами капиталистов и помещиков, со всеми, кто боролся с самодержавным правительством и нарушал установленные им законы и правила. Богатый и властный, помещик и дворянин, чиновник и офицер, купец и кулак не попадали в царскую тюрьму, а если изредка и попадали, то содержались в ней на особом привилегированном положении. В тюрьму шли или рабочие и крестьяне, которых гнали на преступление безработица, нищета и невежество, или те сознательные враги царского строя и власти капиталистов, которых в то время называли „политическими преступниками".

И с „врагами" обращались по-вражески. Тюрьма была орудием мести, средством возмездия, способом устрашения тех, кто имел несчастье попасть в нее, и тех, кто хотя и оставался на свободе, но кого царское правительство думало страхом наказания удержать от совершения всего того, что защищалось царскими законами.

Старое забытое теперь стихотворение в нескольких строчках метко нарисовало облик царской тюрьмы:

„Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка темна.
Темнее той ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма"...

И если в царское время прохожий при виде тюрьмы со страхом шарахался в сторону, а встречая проводимых по улице арестантов, одетых в уродливые серые бушлаты, не находил для них другого слова, как „несчастненькие",—то для всего этого были достаточно серьезные основания. Тогда в гражданине подавлялось не только со-

знание достоинства личности человека, но и самая возможность выражения открытого сочувствия политзаключенным. Вот почему царское правительство построило около тысячи новых тюрем. И недаром эти тюрьмы были названы „мертвыми домами“ и „каменными мешками“. Мы говорим не только о Петропавловской крепости и Шлиссельбургской тюрьме, но и об обычных „исправительных арестантских ротах“, каторжных тюрьмах, крепостях и тюремных замках.

Солдатская дисциплина царила в царских тюрьмах. Иначе как на „ты“ к арестанту не обращались. При входе начальства в камеру все заключенные должны были встать, вытянув руки по швам, а при встрече с начальством обязаны были „ломать шапку“. За малейшее нарушение дисциплины следовали строгие дисциплинарные наказания, вплоть до темного и сырого карцера, куда люди сажались на хлеб и воду. Когда и этой меры взыскания казалось мало, применялось телесное наказание розгами до 30 ударов.

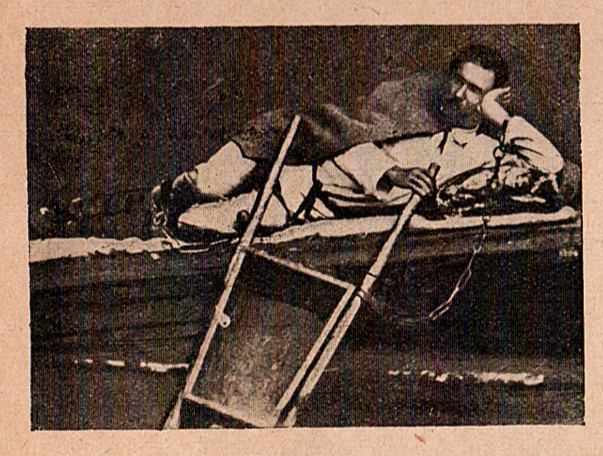

Рис. 1. Прикован к тачке.

Еще суровее были дисциплинарные меры по отношению к ссыльным. По уставу о ссыльных „за кратковременные отлучки из места заключения или работ и просрочки отпусков, за нетрезвое и буйное поведение, леность к работе или нерадение к домообзаводству, своевольство и другие подобные сим нарушения установленного порядка и благочиния“ полагалось „содержание в оковах в течение нескольких недель или месяцев и до одного года, и наказание на теле плетьми не свыше двадцати и розгами не свыше ста ударов“ (ст. 443 устава о ссыльных).

Особенно жестоко поступало царское правительство с каторжными заключенными, для которых каторга назначалась на сроки, измерявшиеся десятками лет, и даже бессрочно. Подробно и тщательно описывал „устав о ссыльных“, как на осужденных к каторге налагались кандалы и наручники. „Бессрочные каторжные первого разряда содержатся в ручных и ножных оковах, прочие каторжники в одних лишь ножных“ (ст. 286 устава о ссыльных). Только „при тяжких и изнурительных болезнях, когда врачем будет установлено по роду и степени болезненного состояния, что действие оков угрожает больному опасностью или вредом, оковы могут быть снимаемы, по усмотрению и с разрешения подлежащего тюремного начальства“. Целый ряд

правил говорил о весе кандалов, о том, как они изготовляются, из каких частей состоят, как надеваются. „Кандалы суть ручные и ножные... Вес кандалов должен быть от пяти до пяти с половиною фунтов“ (ст. 408) — читаем мы в уставе о содержании под стражей. А как широко пользовались в царских тюрьмах кандалами, видно хотя бы из того, что в одной только Нерчинской каторжной тюрьме было найдено после революции около 30 тонн пудов кандалов.

Но все эти суровые правила предназначались только для рабочих, крестьян и для политических „преступников“. Для лиц же „привилегированных сословий“, т. - е. для дворян, офицеров, купцов или просто богатых людей, делались всевозможные льготы и исключения.

Царские законы не скрывали этого неравенства. Статья 174 устава о содержащихся под стражей откровенно указывала, что „дворян, чиновников, а также из разночинцев—людей, состоянием своим отличных (именитых), и иностранцев—должно помещать особо от людей низшего сословия“. Это различие между „благородными“ и „низшим сословием“ царские уставы проводили во всем. Так, например, „для чиновных лиц“, попавших в тюрьму, занятия выбирались такие, как „чтение закона божия и правил нравственности, на евангелиях основанных, чтение других духовных и нравственных книг, чтение книг исторических, клеение пакетов, картонок и других вещей общеупотребительных“.

Рис. 2. Каторжники—вместо лошадей.

Зато все черные и тяжелые работы приходились на долю „низшего сословия“. В его обязанность входило „печение хлеба, приготовление пищи, приготовление кваса, прислуживание за столом, накачивание и разноска воды, носка дров, топка печей, трение сандала

и бокаута, делание из смоляного каната ковров и подстилок, расщепление старого каната на пеньку“ и т. д.

Нужно ли говорить о том, что особенно жестоким был режим в отношении политических заключенных. Хотя в „Уставе о содержании под стражей“ и были установлены некоторые облегчения для этих именно заключенных, но в действительности они были отданы на произвол и усмотрение тюремного начальства, которое для того, чтобы выслужиться, особенно жестоко относилось к политзаключенным. Воспоминания политических заключенных полны описаний нечеловеческого отношения, мучительства и издевательства, которые очень часто доводили их до самоубийства.

Состоявшиеся после октябрьской революции судебные процессы царских тюремщиков также раскрыли картину самых жестоких издевательств и избиений и самого утонченного мучительства политических заключенных.

Вот почему народная молва так заклеймила царские тюрьмы.

2. ТЮРЬМЫ В СОВРЕМЕННЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ.

О том, как в тюрьмах буржуазных стран обращаются с политическими заключенными, можно судить по ежедневным сообщениям газет о протестах, возмущениях и голодовках, об'являемых попавшимися в плен капиталистических тюрем защитниками интересов рабочего класса, в особенности коммунистами. Бессмысленно жестокое обращение, самые дикие издевательства, холодные, сырые камеры и грязные вонючие подстилки, полуголодное существование—доводят до отчаяния самых крепких и выдержанных людей. Мопру (Международному обществу помощи революционерам) приходится каждый день получать печальные известия из всех капиталистических стран о страданиях пленников капиталистического строя, попавших в тюрьмы.

Но за редкими исключениями, режим и для уголовных преступников, установленный в тюрьмах капиталистических стран, все еще стремится к наказанию, к каре, к возмездию за совершенное преступление, к причинению мучительства и унижению человеческого достоинства. В некоторых странах, как, например: Франции, Италии, Болгарии, Сербии, Австрии и др., режим в тюрьмах в настоящее время ничем не отличается от режима, бывшего там сто лет тому назад. В других странах, как, например, в Америке, наряду с несколькими новыми сносно поставленными тюрьмами имеется множество самых ужасных, самых отсталых, поистине варварских тюрем. Сами американцы часто не находят резких слов, чтобы выразить свое возмущение всем, происходящим в их тюрьмах.

Стоит только ознакомиться с дисциплинарными наказаниями, свирепствующими в капиталистических странах, чтобы получить о них ясное впечатление. Укажем прежде всего на то, что до сих пор в этих тюрьмах не вывелись телесные наказания. В Англии наказание плетью сохраняется до сих пор, даже для несовершеннолетних

заключенных. Еще три года тому назад один из русских ученых, посетивший в Англии тюрьмы-школы для несовершеннолетних, писал: „В сапожной мастерской даже обувь чистят щеткой, приводимой в движение электричеством, а на стене кабинета директора висит на видном месте плеть, которая здесь отнюдь не музейная редкость, а нередко пускается в действие, но уже не электрической силой, а рукою администрации школы, нанося удары по детским спинам на точном основании самого закона“.

А вот как наказываются до сих пор, за сравнительно небольшие даже проступки, заключенные во французских тюрьмах. Для этого там изобретен так называемый „дисциплинарный зал“. Вид этого зала, как описывает русский ученый проф. Гернет, осматривавший французские тюрьмы, представляет следующее:

„В одном из помещений шум и грохот сменились мертвой тишиной; огромный зал, в который мы вошли, не был пуст, в нем были все те же арестантские фигуры, но странное дело, все они, человек 30,—неподвижные, как бы застывшие в одной позе; спины их были выпрямлены, правые руки лежали на правых коленах, а левые—на левых и все головы повернуты в одну точку. Это был дисциплинарный зал. Каждое утро приводят сюда наказываемых, провинившихся против тюремной дисциплины, и, рассадив по неудобным для сидения узким столбикам, оставляют их сидеть 15 минут. Через 15 минут им отдается приказ встать и в определенном порядке ходить по залу 15 минут, а затем снова садиться на 15 минут, чтобы через 15 минут снова начать пятнадцатиминутную прогулку. Это продолжается до вечера. Известны случаи назначения этого наказания на срок до 30 дней“.

Французский коммунист Марти, много лет просидевший во французских тюрьмах, рассказывал недавно о том, какое действие оказывает наказание дисциплинарным залом на наказываемых:

„С одной стороны зал огражден решеткой, за которой находится надзиратель для наблюдения за заключенными, ибо бывали случаи, когда наказываемые не выдерживали страдания и душили надзирателя. После 5—6 дней применения этого наказания, ноги наказываемых опухают и покрываются мозолями, которые вскрываются и вызывают кровотечения. Несмотря на это, заключенным не позволяют останавливаться; того же, кто пытается остановиться, бьют ногами, ключами, плетьми и т. п. Тех, кто кричит, бьют еще сильнее. Когда заключенный очень ослабеет, а ноги его истекают кровью, его выводят из зала и кладут в отдельную камеру на время, пока его раны не зарубцуются, и он сможет итти кончать наложенное на него наказание“.

За что же налагаются все эти варварские наказания, которые правильнее было бы назвать пытками? Больше всего—за нарушение правила молчания или запрета курения. Как ни дико это звучит для нашего уха, но до сих пор в целом ряде заграничных тюрем заключенные во все время пребывания в тюрьмах, как бы долго это время ни длилось, не имеют права ни с кем разговаривать. Начальству они

могут только отвечать на вопросы, которые им задаются. Не трудно себе представить, как тяжело действует это правило на заключенных. Что может быть более угнетающего, как длительное молчание? Не трудно себе представить, что, несмотря на угрозу самым суровым наказанием, заключенный иногда не может удержаться, чтобы не сказать своему товарищу по неволе два-три слова!

Также тяжело, по отзывам всех бывших заключенных, запрещение курения. Несмотря на страх перед „дисциплинарным залом“, заключенные пускаются на всевозможные хитрости и даже на преступление, чтобы раздобыть немного табаку. Но пойманных в курении ожидают самые тяжелые дисциплинарные взыскания. Тюремные служители вечно разыскивают виновных в курении. Один писатель, отбывший заключение в германских тюрьмах, так описывает сцену, свидетелем которой он был:

„Робкий уголовный из нижнего этажа был занят подметанием и поднял с пола большое облако пыли. Вдруг он остановился и в то время, как один его глаз оглядывал галлерею, другой устремился на маленький папиросный окурок, который затем мгновенно исчез во рту заключенного. Он начал жевать табак и его глубоко сидящие глаза заблестели от удовольствия: он улыбался.

Но к нему уже подходил надзиратель:

— Что ты такое поднял с полу?

Лицо арестанта отразило испуг и со страха он мгновенно проглотил щепотку табака.

Надзиратель громко закричал:

— Открой рот!“

Можно было бы бесконечно много писать про жестокий и бессмысленно тяжелый режим в капиталистических странах. Ограничимся, однако, здесь только указанием на то, что в этих тюрьмах, кроме запрета разговора и курения, запрещены всякие передачи с воли продуктов (за исключением 2—3 раз в году) и что, тем не менее, питание заключенных часто не только недостаточно, но кое-где заключенные влачат полуголодное существование. В полученных из Франции сведениях мы читаем, что заключенные во французских тюрьмах после тяжелого дня чисто каторжной работы получают „для восстановления сил тарелку полугнилой картошки или 40 грамм прогорклого масла. Голодные арестанты набрасываются решительно на все: в Ниме (тюрьма) они с жадностью глотали сорные травы, прораставшие между камнями, в Туаре—сухие листья, в Мелейне—клейстер из переплетных мастерских“.

Если мы ко всему этому прибавим строгое одиночное заключение, полосатые арестантские костюмы, бритье головы, грубое обращение, 12 часовой труд, свидания через решетку, запрещение газет, строгое ограничение переписки и свиданий, прогулки „гусиным маршем“ на расстоянии пяти шагов друг от друга и многие другие способы мучительства,—то мы получим некоторое представление о тюрьмах в капиталистических странах.

3. ВЗГЛЯД СОВЕТСКОГО ПРАВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПРЕСТУПНИКА.

Для того, чтобы понять, почему советские места заключения построены на совершенно иных основах, чем тюрьмы царской России или тюрьмы в современных буржуазных странах, нужно предварительно ознакомиться с тем, как советское законодательство рассматривает преступника и наказание (кару, возмездие). Не случайно в советском законодательстве из‘ято из употребления даже самое слово „тюрьма“ и заменено словами „места заключения“ и не случайно, что в советских уголовных законах, собранных в „Уголовный кодекс“, мы не находим даже слова „наказание“. Вместо этого слова, которым широко были наделены старые царские законы, мы видим в советском уголовном кодексе выражение „меры социальной защиты“.

Почему произошло такое изменение?

Советская власть всегда твердо боролась и борется против всех общественно-опасных действий, которые направлены против советского государства и против того порядка, который это государство установило. Для того, чтобы советское государство в своем развитии могло успешно итти вперед по пути социалистического строительства, для того, чтобы осуществить те великие задачи, которые советская власть себе поставила, правительство издало ряд законов, устанавливающих революционный порядок, разумно регулирующих всю общественную жизнь, защищающих интересы государства и отдельных граждан, дающих им возможность мирной трудовой жизни и обеспечивающих интересы социалистического строительства. Чтобы достичь всего этого, советская власть и требует от своих граждан совершения одних действий (например, уплаты налогов, отбытия воинской повинности и т. д.) и запрещает им другие (например., самоуправство, контрабанду и т. д.). Неисполнение этих требований наносит ущерб советскому государству и установленному им порядку. Поэтому всякие действия, направленные против государства трудящихся и против установленного им порядка, и являются действиями общественно-опасными, или преступлениями. Для борьбы с такими действиями советская власть создала различные органы: милицию, уголовный розыск, суды и места заключения.

Эти органы твердо стоят на страже интересов советского государства и охраняют его так же, как его охраняет рабоче-кестьянская Красная армия или Государственное политическое управление. Но если Красная армия защищает Советский Союз от внешних нападений со стороны буржуазных стран, то защита советского государства, защита пролетарской диктатуры от общественно-опасных действий — общая задача всех остальных упомянутых органов внутри страны. Задачу эту советская власть считает весьма важной и борьбе с преступлениями она придает большое значение.

Но, борясь твердо с преступностью, советская власть стремится изучить причины, порождающие преступность, стремится понять, почему совершаются преступления и почему некоторые граждане,

бывшие до того честными, сознательными людьми, становятся преступниками.

Правда, такую же задачу, т.-е. изучение преступности и ее причин, ставят себе и буржуазные страны, с каждым годом убеждающиеся, что преступность у них неуклонно растет и что никакие наказания, применяемые судами и тюрьмами капиталистических стран, не могут остановить этого роста. Но так как основная причина преступности лежит в самом капиталистическом строе, то буржуазные ученые и законодательства стремятся эту причину скрыть и выставить вместо нее разные об'яснения, которые, однако, противоречат действительности.

Так, например, буржуазные ученые долгое время говорили, что причиной преступности является „злая воля". В то время, как все люди являются якобы добрыми и честными гражданами, безропотно выполняющими приказания закона, некоторые люди обладают злой волей, которая их толкает на нарушение законов. С этими людьми, говорят буржуазные ученые, нужно бороться, их нужно наказывать построже и тогда другие люди, также отличающиеся злой волей, из-за страха наказания, не будут совершать преступлений.

Под влиянием таких взглядов, законы в течение столетий отличались страшной жестокостью. Они угрожали смертной казнью, пытками, членовредительными наказаниями и долголетней или даже пожизненной тюрьмой. Самая тюрьма была сделана такой суровой и мучительной, чтобы заключенному можно было причинить как можно больше страданий, унижений и издевательств.

Но, несмотря на все самые жестокие и мучительные наказания, преступность в капиталистических странах не падала, а, наоборот, повышалась все более и более. Пробовали сделать наказания еще более суровыми, но это не помогало и преступность не падала. Стало тогда очевидным, что дело вовсе не в злой воле преступников, не в том, что есть хорошие и есть плохие люди, не в том, что одни покорно исполняют законы, а другие не желают их выполнять, а дело, повидимому, было в чем-то совсем ином.

Не решаясь сказать вслух о настоящей причине преступности, которая заключается в самом капиталистическом строе, буржуазные ученые изобрели другое об'яснение. Они стали утверждать, что преступниками люди не делаются, а рождаются, что некоторые люди от рождения обладают особым преступным строением тела и отдельных органов. Стали изучать заключенных в тюрьмах и пришли к заключению, что у всех преступников неправильные черты лица, низкий лоб, большие уши, маленькие глаза, большая челюсть, особое строение черепа и т. д. Этих людей назвали „врожденными преступниками" и заявили, что все люди, обладающие такими неправильностями, еще во чреве матери осуждены быть преступниками и что в каком бы обществе, капиталистическом или социалистическом, они ни жили, они все равно будут убивать, воровать, насиловать, словом, будут совершать преступления.

Это об'яснение было вскоре так же легко опровергнуто. Произвели обследование многих тысяч преступников и оказалось, что большинство из них не обладает теми неправильностями строения тела и головы, которые якобы должны быть у каждого преступника. Но оказалось еще иное. Когда обследовали не преступников, то оказалось, что теми признаками, которые будто бы имеются только у преступников, обладают не только обыкновенные смертные, никогда не совершившие ни одного преступления, но даже многие судьи, прокуроры, чиновники и т. д.

Пока ученые доказывали это и спорили между собою, преступность в капиталистических странах продолжала расти.

Тогда некоторые буржуазные ученые принуждены были признать, что истинная причина преступности коренится не в злой воле и не во врожденных телесных неправильностях, а в неустройстве общества и в экономических условиях. Наблюдение показало, что чем, скажем, выше в какой-нибудь местности цены на хлеб, тем больше там совершается краж. Чем больше растет где-либо безработица, тем больше совершается преступлений.

Наблюдения также показали, что преступность создается низкой заработной платой, безработицей, нищетой, скверными жилищными условиями, проституцией, алкоголизмом и другими общественными явлениями. Но буржуазные ученые, признав, что это действительно так, не могли, конечно, сделать дальнейшего правильного вывода из своего об'яснения. Они сказали, правда, что для искоренения преступности нужны реформы в общественной жизни, нужны „социальные реформы", но эти реформы они считали возможными и необходимыми в рамках капиталистического строя, изменение которого они себе мыслят в форме эволюционного процесса.

Последнего слова, самого верного и все об'ясняющего, буржуазные ученые не решались сказать. Они не сказали, что для уничтожения преступности нужны не реформы в рамках капиталистического строя, а нужна коренная реформа или, вернее, ломка самого капиталистического строя, что преступность порождается капиталистическим строем, что пока этот строй или даже некоторые его остатки существуют, до тех пор неизбежна преступность, и что для полной победы над преступностью, нужно полное уничтожение капиталистического строя.

Чего не сказали буржуазные ученые, то сказала советская власть.

Советская власть понимает, что преступность создается теми общественными противоречиями, которые неизбежно связаны с капиталистическим строем или с его остатками. Преступность сохраняется еще в наше время в советских республиках потому только, что не все еще остатки капиталистического хозяйства окончательно уничтожены и не окончательно еще сломлено сопротивление враждебных социалистическому строительству классов. По мере того, как социалистическое хозяйство будет расширяться, а остатки частного капитала будут отмирать, по мере этого и преступность в советских республиках будет уменьшаться. И только с полной победой

социализма и полным отмиранием последних остатков частного капитала—окончательно исчезнут и последние остатки преступности.

Пока же еще существует денежная система, безработица, нищета, культурная отсталость, неудовлетворительные жилищные условия, проституция, алкоголизм и другие пережитки капиталистического строя и старого быта, пока еще окончательно не сломлено противодействие враждебных пролетариату классов, до тех пор предстоит иметь дело с преступностью.

Поэтому советское законодательство не говорит о вине преступника и о его злой воле. Слово „вина" из советского законодательства вычеркнуто. Но советские уголовные законы не могут не считать преступника опасным для общества, для пролетарского государства, для всего дела советского строительства, и не могут не принимать мер для защиты пролетарского государства от общественно-опасных действий и общественно-опасных лиц. Однако эти меры резко отличаются от подобных же мер, принимаемых в отношении преступников в буржуазных государствах.

4. МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Уголовные законы буржуазных государств построены на началах наказания, возмездия и кары. До сих пор еще они проводят в жизнь старое правило „око за око, зуб за зуб". Они считают, что целью уголовного закона является „справедливое возмездие", т.-е. причинение преступнику зла, страдания, равного тому злу и страданию, которые он причинил потерпевшему. А так как страхом наказания можно будто-бы удержать других людей от совершения таких же преступлений, то наказанию ставят в буржуазных странах, главным образом, задачи устрашения. Хотя в настоящее время в некоторых буржуазных странах уже не существует больше пыток и членовредительных наказаний, но, тем не менее, наказание (главным образом тюремное заключение) обставляется там так, чтобы оно своею тяжестью, теми страданиями и унижениями человеческого достоинства, которые ему придаются, производило устрашающее действие как на самого преступника, так и на все общество в целом. Один из наиболее „передовых" германских тюрьмоведов писал сравнительно недавно: „Одиночное заключение должно быть организовано наиболее мучительно, чтобы действовать устрашающе; отсюда однообразная убивающая дух работа, подавляющая душу" и т. д. Этот незначительный пример весьма показателен для этого духа, которым проникнута система наказания в буржуазных странах.

Совершенно иначе обстоит дело в советском уголовном законодательстве.

Для него все меры борьбы с преступностью имеют только одну задачу, а именно—защиту пролетарского государства. Это единственная цель, которая им ставится, и все, что выходит за пределы этой цели, решительно отметается в сторону, как пережиток старой дореволюционной системы. А так как наказание, кара, возмездие для защиты советского государства от общественно-опасных действий не нужны, то советское право от всех этих задач, как от ненужных, отказывается. Даже слово „наказание", как несоответствующее советскому пониманию задач борьбы с преступностью, из'ято из уголовного законодательства. Оно заменено термином „меры социальной защиты". Этими словами советское законодательство называет те меры, которые суды применяют к совершившим общественно-опасные действия. И штраф, и лишение свободы, и ссылка, и общественное порицание,—все это не что иное, как меры социальной защиты. Более того: хотя всякая мера социальной защиты (в особенности лишение свободы) неизбежно заключает в себе в той или иной мере ограничение свободы осужденного, тем не менее закон требует избегать, при применении мер социальной защиты, тех мучительств, которых можно избежать и которые являются излишними. В уголовных кодексах всех советских союзных республик (РСФСР, УССР, БССР и др.) категорически заявляется: „Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства, и задач возмездия и кары себе не ставят".

О том же самом говорят все исправительно-трудовые кодексы союзных республик. В каждом из них мы можем прочесть, что:

„Содержание в исправительно-трудовых учреждениях не должно иметь целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства".

Мы увидим, что это правило советского закона действительно на практике проводится в жизнь.

5. ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ И ЕГО ЦЕЛЬ.

Тюрьмы, как мы уже отметили выше, являются одним из пережитков старого строя. Они были созданы капиталистическим строем и, вместе с его последними остатками, вместе с преступностью, исчезнут и последние тюрьмы. Программа коммунистической партии говорит поэтому о замене тюрем воспитательными учреждениями.

Но такая замена является конечной целью, которая может быть достигнута не сразу. К осуществлению этой задачи советские места заключения должны постоянно стремиться. Однако в переходное время, пока еще не изжиты последние остатки капиталистического хозяйства, пока еще живы пережитки старого быта и пока не сломлено еще сопротивление враждебных социализму классов, т.-е. пока еще существует и преступность, советская власть не может отказаться от лишения свободы и от сохранения, хотя и временного, хотя и все в меньшей степени, мест заключения.

Эта необходимость временного сохранения мест заключения об'ясняется тем, что советская власть должна принимать все целесообразные меры против таких общественноопасных действий, которые наносят ей ущерб, и должна при этом сохранять те именно меры, которые являются наиболее целесообразными для борьбы с преступностью.

А нельзя отрицать, что существуют еще такие преступники, для которых самой целесообразной мерой все еще остается лишение свободы.

Но, сохраняя лишение свободы, советская власть придает ему совершенно другой характер, чем оно имело в царских тюрьмах и имеет до сих пор в тюрьмах капиталистических стран. В старые тюремные здания, доставшиеся от царского правительства, советская власть вносит новую жизнь, новое содержание, новые правила. Одно из таких правил мы уже знаем. Это запрещение причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства. Это правило не остается только лишь пустым звуком, но проводится полностью на практике. Ссылаясь на это правило, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, как и других советских республик, запрещает целый ряд таких способов воздействия на заключенных, которые составляли душу старых царских тюрем. Так, закон запрещает всякое применение физического воздействия, как, например: кандалы и наручники, карцер, строго одиночное заключение, лишение пищи, свидания заключенных с их посетителями через решетку и тому подобные тюремные приемы.

Сохраняя в советском законодательстве лишение свободы, советская власть старается в то же время, как можно менее пользоваться старыми царскими тюремными зданиями и содержанием заключенных за тюремными стенами и решетками. Оно предписывает, по мере возможности, организовывать, вместо оставшихся от царских времен тюрем, полусвободные трудовые колонии (сельско-хозяйственные, фабрично-трудовые, ремесленные и др.), расположенные преимущественно вне городов. Мы увидим далее, что и это указание закона не осталось только на бумаге, что оно систематически проводится в жизнь. Советское законодательство идет еще дальше. Оно стремится избегать применения лишения свободы во всех случаях, когда это только представляется возможным, и вводит с этой целью новую меру, которая заменяет во многих случаях лишение свободы, которую не применяло старое царское правительство и которой не знают и законы современных буржуазных стран, а именно—принудительные работы без содержания под стражей.

Таким образом, в то время, как буржуазные страны не только не думают об уничтожении тюрьмы, но все более и более ее укрепляют, советская власть, сохраняя тюрьму, делает все возможное, чтобы в ней как можно меньше оставалось всего чисто тюремного. „Наша система,— как сказал Народный комиссар внутренних дел В. Н. Толмачев,— система исправительно-трудовая — помогает социалистическому строительству и тем самым приближает момент, когда не нужны будут тюрьмы. Наши исправительно-трудовые учреждения вошли в историю под лозунгом «долой тюрьму». Этот лозунг основан на программе нашей партии. С этим лозунгом мы строим нашу исправительно-трудовую систему. Здесь есть некоторый парадокс: мы под лозунгом «долой тюрьму», строим тюрьму, чтобы ее ликвидировать».

Нужно указать также, что советское законодательство не знает таких длительных сроков лишения свободы, какие мы встречаем до сих пор в капиталистических странах. В царской России лишение свободы назначалось на десятки лет и даже пожизненно. До сих пор еще назначается пожизненное тюремное заключение во всех капиталистических странах. В тюрьмах любой из буржуазных стран можно увидеть и сейчас еще полулюдей с тусклым, безразличным, застывшим взглядом, с механическими движениями, почти разучившихся разговаривать. Это заключенные, просидевшие в тюрьме тридцать-сорок лет и потерявшие там человеческий облик.

В советских местах заключения такое явление немыслимо. Самый большой срок заключения, который может быть назначен приговором суда, это десять лет. Лишение свободы на большие сроки советское законодательство считает мучительством и потому его запрещает.

Не знает советское законодательство и так называемых каторжных работ во всех их формах. Каторжные работы, особенно сильно процветавшие в царской России, также сохранились во всех капиталистических странах. Они носят там разные названия: „уголовное рабство» (в Англии), «усиленные работы» (во Франции), «дома воспитания» (Германия) и др., но сущность их в действительной жизни осужденных остается всюду одна и та же: особенно суровый, чисто каторжный режим и изнурительные работы.

Советские места заключения не знают ничего похожего на каторжные работы. В одних советских местах заключения режим строже, в других мягче, но всюду он построен одинаково человечно; что же касается труда заключенных, то во всех местах заключения он поставлен в одни и те же условия. В советских республиках труд не может быть наказанием, и всюду—на воле и в изоляции—составляет обязанность каждого гражданина и строго охраняется трудовым законодательством.

Уже из этих отдельных замечаний можно видеть ту большую разницу, которая существует между буржуазными тюрьмами и советскими местами заключения.

Но самое главное различие между ними заключается в том, как лишение свободы в советских местах заключения достигает поставленных целей. Цель лишения свободы, как мы уже знаем, это защита пролетарского государства. Но достигается эта цель не тем именно, что преступника запирают в каменный мешок и держат его там, пока не наступит срок, указанный в приговоре суда. Достигается эта цель совсем другим методом, другим способом. Этот способ состоит в том, что советские места заключения стремятся заключенного (речь идет, конечно, о заключенных из среды трудящихся) исправить или, выражаясь правильнее, приспособить его к условиям жизни в трудовом обществе. Поэтому закон, который говорит о том, как в советских республиках выполняются приговоры к лишению свободы, называется Исправительно-трудовым кодексом.

Итак, местами заключения преследуется задача не просто держать заключенного под замком, не просто держать преступника в

изоляции от внешнего мира, а целесообразно и разумно влиять на него, использовать время заключения для того, чтобы общественно-вредного человека сделать полезным членом общества, чтобы не умеющего работать обучить квалифицированным видам труда, неграмотного сделать грамотным, несознательного — сознательным гражданином.

Как достигается эта цель?

Об этом один заключенный рассказывает в стихотворении:

„Громко стуки раздаются
Топора и молотка.
Поживей спорись работа,
Мы родились у станка.

Это в тюрьмах мастерские
Выполняют честно труд,
Кто сидит здесь заключенным,
На работу все идут.

Не отбыть чтоб срока даром,
Пользу принести стране,
Коллективная работа
Не страшна даже в тюрьме.

При советском строе в тюрьмах
Нам не слышен лязг цепей.
Их сменили труд и школа
Для неграмотных людей".

6. ДИСЦИПЛИНА В СОВЕТСКИХ МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Но прежде, чем говорить о способах исправления, которые применяются в советских местах заключения, скажем несколько слов о дисциплине, которая в них существует.

Мы знаем уже, что казарменная, палочная дисциплина из наших мест заключения решительно изгнана. Нет в них обязательного вставания, когда начальство входит в камеру; нет обязательного снимания шапок перед начальством; запрещается грубое и даже только недостаточно вежливое отношение к заключенному. Заключенный может свободно разговаривать, курить, передвигаться и т. д. и т. д.

Но это не значит, что заключенные в советских местах заключения могут не соблюдать установленного там порядка, что они могут нарушать установленную дисциплину, что в советских местах заключения не существует твердо установленного и безусловно для всех заключенных обязательного распорядка.

В каждом советском месте заключения имеется твердо установленный внутренний порядок и его соблюдение безусловно обязательно. Установленная в местах заключения разумная дисциплина должна заключенными проводиться строго и неуклонно. Никакие нарушения этой дисциплины не могут быть терпимы. Если заключенный не будет подчиняться установленному порядку и не будет выполнять пред'являемых к нему законных требований, то он лишается сочувствия с чьей бы то ни было стороны. Советское исправительно-трудовое законодательство дает заключенным столько прав, сколько не имеет ни один заключенный буржуазных стран.

Но зато советские законы требуют безусловного выполнения тех обязанностей, которые они налагают на заключенных. Инструкция по службе работников мест заключения предписывает: „проявлять необходимую настойчивость в требовании, чтобы заключенные соблюдали установленные для них правила и исполняли обращенные к ним законные приказания, а также не допускать распущенности и неисполнения отдельных распоряжений или приказаний".

Как быть, однако, если заключенные нарушают установленные правила дисциплины и порядка?

Конечно советские места заключения не применяют в таких случаях ни телесных наказаний, ни других мучительных мер, вплоть до карцера. Однако из этого не следует, что нарушение заключенными установленного порядка может пройти для него бесследно. В распоряжении администрации имеется ряд дисциплинарных мер, достаточно действительных для того, чтобы воздействовать на тех заключенных, которые не захотят выполнять установленные для них правила.

Самая легкая из дисциплинарных мер — это выговор. Далее следуют более сильные меры: ограничение или лишение права свидания с посетителями, выписки и передачи на срок, не свыше одного месяца; ограничение в праве распоряжения числящимися на счету заключенного деньгами; изоляция в отдельную камеру на срок не свыше четырнадцати суток; понижение в разряде, в котором находится заключенный (из высшего в средний или низший, из среднего в низший), и перевод в другие места заключения с более суровым режимом.

В случае изоляции заключенного в отдельную камеру, камера эта не должна напоминать карцера в царских тюрьмах, и обязательно должна быть обычного размера, светлая и снабжена постельными принадлежностями.

Прежде чем наложить дисциплинарное взыскание, администрация места заключения должна проверить, действительно ли заключенный в чем-либо нарушил установленные правила и предварительно выслушать об'яснения самого заключенного.

7. ОСНОВЫ РЕЖИМА В СОВЕТСКИХ МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Но, конечно, не при помощи только лишь соблюдения дисциплины можно добиться исправления заключенного, ибо дисциплина нужна и на воле и в местах заключения. Дисциплина в месте заключения должна приучить к дисциплине на воле. Но одной дисциплинированности недостаточно для того, чтобы по выходе на волю заключенный мог сознательно относиться к окружающей его среде и честно зарабатывать себе средства на жизнь. Для этого ему необходимо научиться работать, приобрести квалифицированные трудовые навыки

и стать грамотным и вполне сознательным человеком, культурно и политически развитым. Вот почему исправительно-трудовое законодательство считает, что, для приспособления заключенного к жизни в трудовом общежитии, в месте заключения необходимы две вещи: обязательный труд и культурно-просветительная работа.

Каждый из этих способов исправления важен сам по себе и одинаково необходим. Но действительно успешный результат эти оба способа могут дать только при условии сочетания их обоих. Правильно поставленное обучение трудовым навыкам и одновременно хорошо налаженная культурно-просветительная работа — вот что может исправить заключенного-трудящегося, приспособить его к свободной жизни, сделать его снова полезным членом общества.

Но, однако, и труд и культурно-просветительная работа только тогда принесут заключенному пользу, если заключенный будет заниматься ими не из-под палки. Исправительно-трудовое законодательство не ценит ни рабского подневольного труда, ни тупого, бессознательного участия в культурно-просветительной работе. Оно понимает, что для жизни на воле, для борьбы за существование нужны энергия, самодеятельность, инициатива, активность. Поэтому в советских местах заключения все должно быть направлено к тому, чтобы заключенный и в мастерских, и в школе, и в клубе не оставался нерассуждающим автоматом, покорно и бессознательно выполняющим все, что ему прикажет администрация, инструктора или учителя, но чтобы всюду, где бы он ни находился и что бы он ни делал,— он проявлял самодеятельность и инициативу, т.-е. те качества, которые ему понадобятся, когда он выйдет на волю.

8. КЛАССОВОЕ НАЧАЛО В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКЕ.

Правительства буржуазных стран громко заявляют, что у них в тюрьмах господствует полное равенство и что тюрьмы не знают разницы между богатыми и бедными.

Но это все только на словах. На самом же деле, если там представители буржуазии изредка и попадают в тюрьмы, то они пользуются особыми льготами и привилегиями, цель которых как можно больше облегчить им пребывание в тюрьме.

Приведем в качестве примеров несколько фактов, взятых из действительности.

А. Марти рассказывает про французскую тюрьму в Клерво: „Если бы ее удалось сфотографировать в полдень, то увидели бы на пышущих жаром дворах массу молчаливых и впавших в отчаяние людей. Все они безостановочно в такт делают круги за кругами. Но загляните туда часом позже. Залитые солнцем дворы пусты, зато мастерские работают полным ходом, а в особом затененном дворе важно прогуливается группа заключенных. В сюртуках нараспашку, с мизинцами за жилетом, они обсуждают финансовые и политические вопросы. Миллионеры, которых потом амнистируют за их миллионы,

фабриканты и их сыновья, бывшие офицеры, священники, — вот аристократия осужденных, вот те, которые, однако, наиболее виновны. Им сторожа ничего не посмеют сказать, они уши администрации и умеют пользоваться ее языком“.

Другой пример. В Германии для представителей фашистских партий, совершивших преступление, наказанием служит не обычная тюрьма, а крепость. В то время, как заключенные в обычных тюрьмах носят специальную уродливую арестантскую одежду, в крепости можно носить свою собственную; простые заключенные принудительно работают 10 часов в день, а привилегированные заключенные крепости освобождены от всякого труда; простые заключенные получают свидания раз в месяц или даже в три месяца, имеют право писать и получать по одному письму в месяц, получают прогулку на полчаса, не имеют права курить и покупать в течение первых шести месяцев дополнительные продукты и т. д.,— заключенные в крепости пользуются неограниченным и беспрепятственным правом свиданий, могут сколько угодно писать и получать письма, имеют право на ежедневную прогулку не менее, чем на 5 часов, имеют право приобретать табак, папиросы и сигары, иметь собственную кухню, выписывать ежедневно пол-литра пива или яблочного вина, или четверть литра более крепкого вина, могут по собственному выбору жить или в общей комнате или в отдельной, имеют особую комнату для дневного пребывания и т. д.

Неравенство господствовало и в старых царских тюрьмах. Одни правила существовали в них для заключенных „благородных“ и другие для „низших сословий“.

Советское исправительно-трудовое законодательство не скрывает своего классового характера. Оно последовательно проводит принципиальное различие между заключенными классовыми врагами и нетрудящимися, с одной стороны, и рабочими и крестьянами—с другой. Оно считает, что рабочий или крестьянин, за небольшими исключениями, не может быть сознательным или закоренелым и убежденным врагом рабоче-крестьянского государства, и поэтому ставит по отношению к нему задачу исправления, относится к нему с доверием, смягчает для него пребывание в месте заключения и предоставляет ему ряд льгот.

Заключенные-трудящиеся скорее переводятся в высшие разряды и даже могут быть назначены сейчас же по поступлении в места заключения в высший разряд. Для них предназначены трудовые колонии. Они одни могут получать зачет рабочих дней, сокращающий срок их заключения. Им предоставляются отпуска и другие льготы. Они в первую очередь направляются на работы в школы, в кружки и т. д. Наконец, они получают условно-досрочное освобождение, так как советская власть, доверяя им, верит в их исправление.

Совсем иное отношение встречают заключенные нетрудящиеся, классовые враги и лица, совершившие преступления особо-опасные для советского государства (например, растратчики, взяточники и др.). Советская власть, не ставит в отношении их задач исправления и не

ме ет основания оказывать им какие-либо льготы. Они назначаются а работу во вторую очередь и притом, главным образом, на грубые, физические работы. Они не могут рассчитывать на отпуска и другие льготы. Зачет и условно-досрочное освобождение им, как правило, не предоставляется.

Конечно, советская власть не задается целью мучительства этих заключенных, и мучительства в отношении их не допускает. Но она просто не верит в их исправление и не видит надобности в смягчении для них установленного режима и в уравнении их с заключенными трудящимися.

9. ТРУД В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Советское государство не может смотреть на труд заключенных, как на средство наказания или мучительства. Оно не допускает подневольного, каторжного, мучительного и унизительного труда, даже в месте заключения. Труд — основа советского государства и он не может ни при каких условиях быть мучительным и унизительным.

Но если труд на воле имеет своей задачей производство тех или иных продуктов и изделий, необходимых для удовлетворения потребностей населения и для развертывания социалистического строительства, то задача труда заключенных этим не ограничивается.

Занятие заключенных работами имеет также воспитательно-исправительное значение. Его цель заключается также и в том, чтобы приучить заключенных к труду, обучить их какой-либо профессии и дать им тем самым возможность, по выходе из места заключения, жить трудовой жизнью.

Вот почему советские места заключения не знают ни каторжного труда, ни того бессмысленного непроизводительного труда, который до сих пор еще встречается в тюрьмах буржуазных стран. А в этих странах до сих пор еще имеются тюрьмы, в которых заключенных заставляют, скажем, сшить костюм, а когда он будет готов, распороть его и сшить снова, чтобы затем снова распороть и снова сшить. Или заключенного столяра, сделавшего табуретку, заставляют разобрать ее, затем снова сколачивать, снова разбирать и т. д. Если же в этих тюрьмах попадаются станки или машины, то это по большей части старые, вышедшие из употребления. Если даже заключенный научится работать на них, то по выходе на свободу он не может использовать своих знаний, так как на воле такие станки и машины давно уже вышли из употребления.

Об этом мы читаем даже в литературе буржуазных тюремных деятелей. Так, один из них пишет про Германию: „Так как германские тюрьмы отказались от машин, снабженных двигателями, то обучение ремеслам в тюрьмах происходит большей частью при помощи инструментов, которые современная промышленность уже оставила". Один бывший заключенный пишет: „Тканье происходит на устарелых станках, которые можно найти только в крестьянских избах"... Официальный отчет английского тюремного ведомства говорит: „Большинство тюремного населения занято в производстве очень жалкого типа. Почти во всех местных тюрьмах, в мастерских или недостаточно машин и оборудования, или их вовсе нет". Также и в Америке, по словам буржуазных авторов „работы заключенных носят случайный характер... Не будет преувеличением сказать, что эти заключенные приобретают скорее привычку к лени, чем трудовые навыки; когда же им удается приучиться к работе, то приходится делать это при помощи таких машин и инструментов, которые зачастую устарели и отличаются низким качеством продукции".

Этим об'ясняется, что, когда одного старого английского тюремного служащего спросили, много ли заключенных научились чему-либо в тюрьме, он ответил, что „он не слыхал ни об одном таком случае и даже не слыхал, чтобы кто-либо другой слыхал об этом". Это, конечно, не случайно. Причина этого лежит в том, что в буржуазных странах частные предприниматели боятся конкуренции бесплатного труда заключенных и добились всюду запрещения тюрьмам продавать на вольном рынке изделия заключенных. А раз тюремные мастерские не могут сбывать своей продукции, им нет смысла заводить в этих мастерских новые станки и машины и нет возможности дать заключенным трудовую квалификацию.

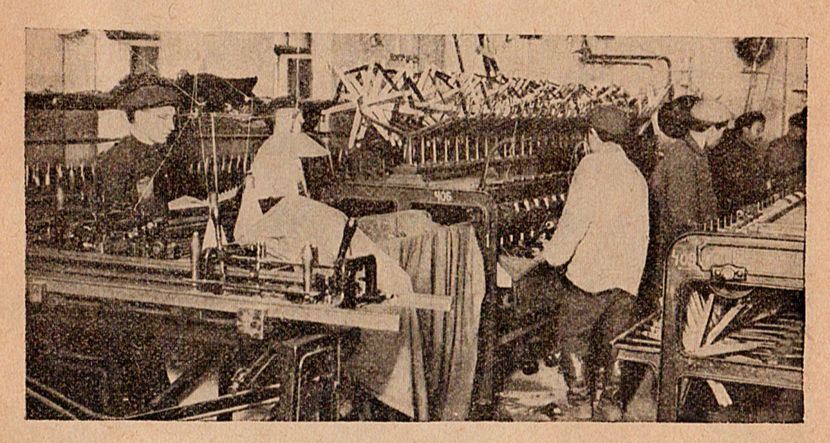

Рис. 3. Ткацкая фабрика.

В советских республиках дело обстоит иначе. Производственные предприятия при местах заключения пользуются теми же правами, что и любое государственное предприятие на воле. Поэтому, чтобы иметь возможность выдержать конкуренцию, предприятия при местах заключения должны работать так же хорошо и дешево, как и все вольные предприятия. Но для этого им необходимо не отставать и в оборудовании своих мастерских и иметь современные станки и машины. А так как все производство мастерских мест заключения идет на рынок, то заключенный должен научиться работать так же хорошо,

как работают рабочие в вольных предприятиях. Таким образом создается для заключенных возможность приобретать такие навыки, которые окажутся для них полезными и применимыми на воле.

Конечно, местам заключения не легко дается оборудование своих мастерских современными машинами. Дело в том, что советское государство отпускает по государственному и местному бюджетам средства на содержание мест заключения, т.-е. на поддержание и ремонт зданий, на зарплату администрации и надзора, на питание заключенных, на отопление и освещение, на культурно-просветительную работу и т. д., но оно лишено возможности отпускать достаточные средства на развитие производственных предприятий при местах заключения. Эти предприятия находятся на хозяйственном рассчете и должны были после революции начать работу на пустом месте, без

Рис. 4. Пошивочная мастерская.

достаточных оборотных средств. Работа по созданию предприятий при местах заключения затруднялась еще и тем, что во многих бывших царских тюрьмах не было вовсе помещений для мастерских и приходилось создавать мастерские в совершенно непригодных для этого и неприспособленных, недостаточных по размерам помещениях.

Этим еще не исчерпываются трудности при организации мастерских при местах заключения. Трудности заключаются еще в том, что производительность труда в условиях места заключения вообще ниже, чем производительность труда на воле. К тому же многие заключенные осуждаются на краткие сроки. Приходится обучать их трудовым навыкам с самого начала. А между тем, не успеют они чему-либо научиться, как многим из них уже нужно освобождаться. Этим об'ясняется исключительно высокий процент ученичества в предприятиях при местах заключения. Не могут также эти мастерские подбирать нужную им рабочую силу, подбирать квалифицированных рабочих, мастеров и т. д. Наоборот, они принуждены брать, кого им присылают, хотя бы и людей, явно непригодных. Наконец, среди вновь приходящих в предприятия при местах заключения часто нет достаточной трудовой дисциплины. Все это, конечно, влияет на производительность труда в этих предприятиях, делает ее более низкой, чем производительность вольных предприятий.

Тем не менее, даже при всех этих трудных условиях, производственные предприятия при местах заключения растут с каждым годом.

Приведем некоторые цифры, которые это доказывают.

Рис. 5. Ткацкая мастерская.

Число дней, проводимых заключенными на работах, хотя и медленно, но систематически растет.

Было занято работой дней:

в 1924 году	7.606.810	или . .	37,6%
в 1925 „	7.734.057	„ . .	37,4%
в 1926 „	12.493.903	„ . .	38,7%
в 1927 „	14.020.858	„ . .	39,1%

Эти цифры относятся к общему числу всех заключенных—и срочных (т.-е. уже осужденных), и следственных (т.-е. тех, дело которых еще судом не разбиралось). Если взять только срочных заключенных, то процент занятия на работах подымается с 39,1% до 69%.

Какие предприятия имеются при местах заключения?

Самые разнообразные: кирпичные заводы, деревообделочные, слесарные мастерские, швейные, фабрики механической обуви, лесопиль-

ные заводы, типографии, кроватные и пуговичные фабрики, пакетные, фотопластиночные фабрики, трикотажные, ткацкие, штамповальные заводы, кожевенные заводы, чугуно - литейные, шорные фабрики и фабрики приводных ремней, табачные и махорочные фабрики, мыловаренные заводы, сапожные мастерские, гончарное производство и др.

При этом все больше уменьшается число маленьких предприятий (т. е. с количеством занятых рабочих до 15 человек) и все более растет число средних (с количеством рабочих от 30 человек и выше). Так, последних было в 1924 году только 19, а в 1927 году— уже 226.

Рис. 6. Швейная мастерская.

Растут и капиталы предприятий при местах заключения. Так, свои капиталы составляли:

в 1924/25 г.	2.080.000 руб.
в 1925/26 „	4.350.000 „
в 1926/27 „	5.768.000 „

Растет, наконец, и оборот предприятий. Он равнялся:

в 1924 г.	5.333.000 руб.
в 1925 „	11.750.000 „
в 1926 „	15.826.000 „

Однако труд заключенных применяется не только в предприятиях, находящихся в местах заключения, и не только в тех исправительно-трудовых колониях, о которых речь идет ниже (см. § 11). Труду заключенных ставятся задачи, выходящие за узкие рамки исправительно-трудового воздействия. Так как в местах заключения сосредоточены

значительные количества рабочей силы, то эта сила должна быть использована в общегосударственных хозяйственных интересах.

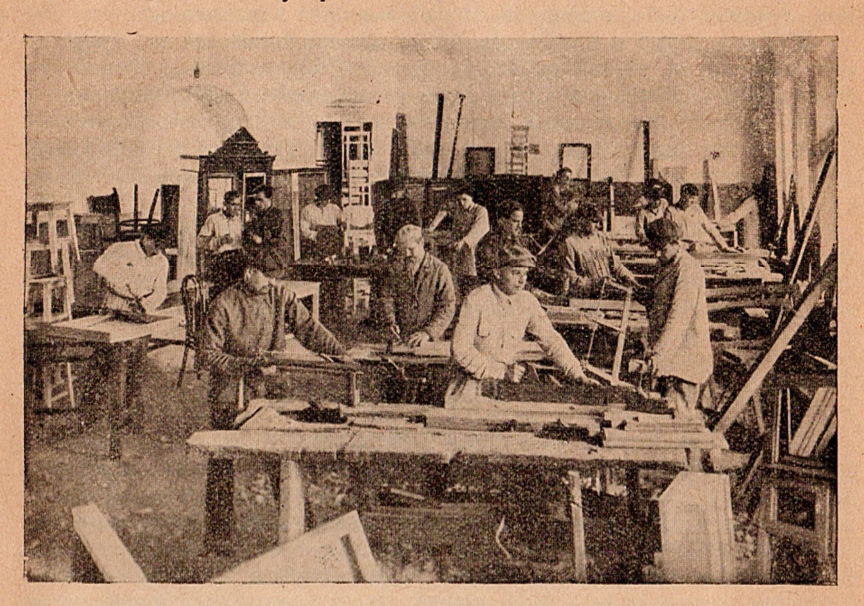

Рис. 7. Столярная мастерская.

Задачи индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства требуют иногда для своего разрешения применения массовой рабочей силы, отсутствующей в некоторых местностях в силу

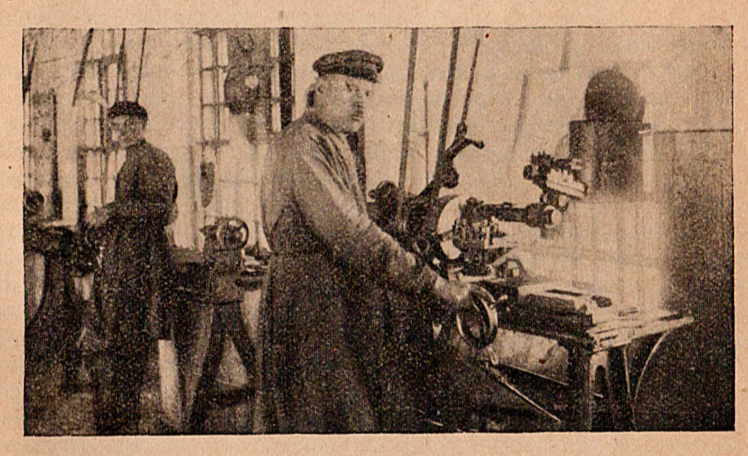

Рис. 8. Слесарно-механическая мастерская.

разных условий, как-то: отдаленности места работ, малочисленности местного населения, трудности работы и т. п. И вот тут-то с успехом и может быть использована рабочая сила заключенных.

С этой целью в настоящее время организовывается ряд трудоемких колоний на местах работ, требующих применения массовой рабочей силы. Имеющийся уже в этом отношении опыт организации и работы лесозаготовительных колоний показывает, что лесозаготовки — это одна из таких областей народного хозяйства, в которой неквалифицированная рабочая сила заключенных может быть применена с наибольшим успехом.

Это не значит, конечно, что в таких колониях исправительно-трудовые задачи вовсе упускаются из виду. Наоборот, общегосударственное хозяйственное значение соединяется здесь с определенным исправительно-трудовым значением, которое имеет работа в колониях.

10. УСЛОВИЯ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

В тюрьмах буржуазных стран работающие заключенные не имеют права на оплату их труда, а самый труд их, его условия и продолжительность никакими правилами и законами не охраняются.

Поэтому работающие заключенные или вовсе не получают там никакого вознаграждения за труд, или получают в виде поощрения грошовую плату, в редких случаях доходящую до 15 копеек в день, а обычно составляющую 5—8 копеек. Что же касается условий труда, то в лучшем случае рабочий день длится 10—12 часов. В некоторых же странах, например, во Франции, труд заключенных отдается на откуп частным предпринимателям и там идет самая жестокая, самая безжалостная эксплоатация труда заключенных. Рабочий день их не нормирован и работают они почти что бесплатно.

Вот как описывает тов. Марти работу заключенных во французских тюрьмах:

«Предприниматель, дающий работу, является миллионером, для которого двери министерства раскрыты настежь, его интересы отстаивают вышколенные в совершенстве надзиратели. Запрещено останавливать работу на секунду, говорить, поднимать голову, оборачиваться, иногда даже ходить в уборную. При всяком поводе и даже без повода — замечания, угрозы, наказания. Открывающиеся старые раны, перемежающиеся болотной лихорадкой, не служат оправданием для прекращения работы. Когда кто-нибудь начинает жаловаться, надзиратель говорит: „Начхать! Не я тебя сюда тащил. Работай или сдохни". И несчастные работают до тех пор, пока не падают, так как остановка работы означает отказ в повиновении, за который следует карцер и преждевременная смерть.

Арестанты выполняют работы, которые не находятся ни в каком соответствии с их наклонностями. Заданный урок увеличивается до невозможности, единственный предел: прихоть контролера. Наступает, однако, момент, когда, несмотря на все желание арестанта, он не

в силах выполнить урока. Тогда начинаются наказания; они повторяются, усиливаются до тех пор, пока несчастного не переносят из карцера в госпиталь. Когда он оттуда выходит, по неспособности к труду, он освобожден от работы или урок ему сильно понижают. Но бедняк все равно погиб».

В советских местах заключения труд заключенных охраняется так же, как и труд всех работающих. Прежде всего, заключенный имеет безусловное право на оплату его труда. Ставка заключенного, в зависимости от того, является ли он мастером, подмастерьем или учеником, а также в зависимости от его усердия и производительности труда, составляет 25—50% ставки вольного рабочего в соответствующем цехе. Часть заработной платы (от одной трети до трех четвертей) заключенный получает на руки, а часть составляет так называемый неприкосновенный фонд и выдается ему при его освобождении. Это делается для того, чтобы у заключенного были средства на жизнь, пока он не устроится на работу. Той частью денег, которая заключенному выдается, он может распоряжаться так, как он хочет, т.-е. может расходовать ее в месте заключения, может отсылать родным и т. д.

На заключенных распространяются и все другие правила охраны труда, установленные Кодексом законов о труде. Труд заключенного не должен превышать 8 часов. В дни отдыха работа не производится. Каждую неделю заключенный имеет право на непрерывный 42-часовой отдых. Сверхурочные работы, как правило, воспрещаются; запрещается применение труда заключенных женщин и несовершеннолетних, в возрасте моложе 18 лет, в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах и подземных работах; освобождаются от работы заключенные женщины, занятые физическим трудом, в течение 8 недель до родов и 8 недель после родов, а занятые конторским трудом в течение шести недель до и шести недель после родов; в предприятиях при местах заключения должны приниматься все меры к устранению или уменьшению вредных условий работы, к предупреждению несчастных случаев и к содержанию места работ в надлежащем санитарно-гигиеническом состоянии и т. д. и т. д.

Кроме этих общих правил, исправительно-трудовым законодательством установлены и специальные правила охраны труда заключенных, а именно: заключенные женщины, начиная с пятого месяца беременности, не могут, без их согласия, посылаться на работы вне места заключения; накануне дней отдыха работы производятся только до обеда и во всяком случае не позже 3 часов дня; всем заключенным выдаются расчетные книжки, в которых отмечаются исполненные ими работы, назначенное и выданное вознаграждение, а также произведенные удержания; пища работающим заключенным увеличивается по мере затрачиваемой заключенным энергии на работу: пользование личными услугами заключенных со стороны администрации воспрещается; заключенным предоставляется ежедневно от одного до двух часов на приготовление к обеду, обед и послеобеденный отдых.

За тем, чтобы охрана труда заключенных действительно проводилась в жизнь, следят инспектора труда, санитарный инспектор и технический инспектор. О всех замеченных ими нарушениях Кодекса законов о труде и других постановлений, охраняющих труд заключенных, инспектора составляют акты, которые направляются вышестоящему начальству по местам заключения и прокурору.

11. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОЛОНИИ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Мы говорили уже выше (§ 9) о том общегосударственном хозяйственном значении, которое может приобрести применение труда заключенных в интересах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Такое значение применение труда имеет не только в лесозаготовительных и т. п. колониях, ощущающих острый недостаток в рабочей силе, но и в сельско-хозяйственных, а также в фабрично-заводских колониях.

Особенно важно при этом развитие сельско-хозяйственных трудовых колоний. Это ясно из того, что в советских местах заключения имеются крестьяне, бедняки и середняки, осужденные, главным образом, за бытовые преступления (убийства, нанесение телесных повреждений, драки и т. п.). Эти заключенные не представляют настолько большой опасности, чтобы обязательно нужно было держать их за тюремной решеткой. С другой стороны, было бы нецелесообразно ставить их к станку, так как после отбытия срока лишения свободы, они обычно возвращаются в деревню, где снова начинают заниматься сельским хозяйством и не могут использовать профессиональные навыки, приобретенные ими в производственных предприятиях. Гораздо полезнее использовать время содержания под стражею таких заключенных для повышения их сельскохозяйственных познаний, ознакомления их с новыми приемами в области сельского хозяйства и для того, чтобы дать им все те сведения, которые помогут им улучшить свое хозяйство по возвращении в деревню.

Для таких-то заключенных и устраиваются сельско-хозяйственные колонии. Правда закон говорит, что в колонии можно направлять только заключенных, которым осталось отбывать лишение свободы не более пяти лет, которые принадлежат к классу трудящихся, совершили преступление по несознательности, впервые, случайно или вследствие тяжело сложившихся обстоятельств и которые, наконец, не внушают опасения в смысле побега. Но крестьяне, совершившие бытовые преступления, обычно удовлетворяют всем этим признакам и их можно поэтому направлять в трудовые сельско-хозяйственные колонии.

Советская власть стала организовывать сельско-хозяйственные колонии для заключенных сейчас же после Октябрьской революции. Благодаря тому, что после революции земля была национализирована, создалась возможность выделить для колонии необходимое количество земли, вначале, правда, небольшое, но потом все увеличивавшееся.

Число сельских хозяйств для заключенных стало быстро расти. Это видно из следующих цифр:

Общее число совхозов растет из года в год. Их было:

в 1919 году	17	в 1927 году	137
в 1925 „	105	в 1928 „	142
в 1926 „	130		

Общая их земельная площадь составляла:

в 1919 году	2.953 *га*	в 1926 году	36.502 *га*
в 1925 „	31.767 „	в 1927 „	53.961 „

За это же время площадь, занятая под пашню, увеличилась с 3.767 до 24.700 *га*.

Так же сильно возрасло количество скота в совхозах. Это видно из следующей таблицы:

Имелось скота	в 1925 г.	в 1926 г.	в 1927 г.
Рабочего	1665 голов	1877 голов	2519 голов
Пользовательного крупного рогатого	1664 „	1935 „	2754 „
Различного мелк.	2082 „	2605 „	3559 „

Наконец, увеличивается с каждым годом и число тракторов в этих совхозах:

их число:

в 1924 г.	3
в 1925 „	17
в 1926 „	57
в 1927 „	65
в 1928 „	91

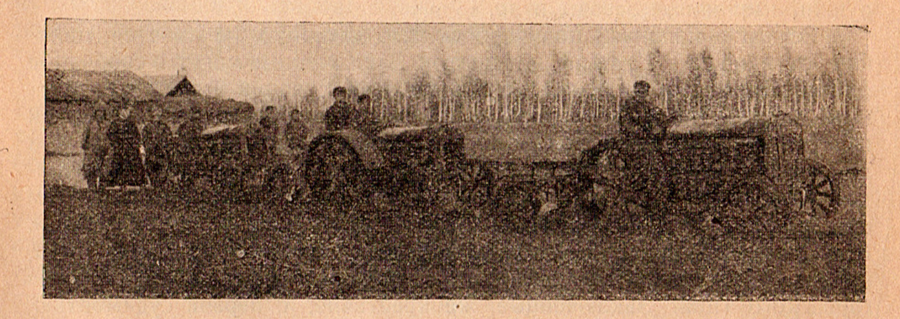

Рис. 9. Тракторная колонна.

Таким образом, сельские хозяйства заключенных все больше завоевывают себе место и вытесняют лишение свободы за решотками и стенами.

Нужно указать при этом, что большинство этих совхозов были переданы под колонии для заключенных в весьма запущенном виде. Поля были истощены и сильно засорены. Инвентаря и скота почти не было.

Теперь же в большинстве этих совхозов введены многопольные севообороты, главным образом восьмипольные. Почти во всех колониях заключенные занимаются разведением скота. Поэтому для увеличения и улучшения корма, большая площадь занята под корнеплоды.

Увеличение количества скота содействует урожайности колонии. Урожаи в колониях обыкновенно выше, чем в других совхозах, расположенных в тех же местностях.

В колониях вводятся усовершенствованные технические способы обработки земли с механизацией труда. Кроме все увеличивающегося, как мы уже видели, количества тракторов, в колониях устраиваются электрические станции, которые обслуживают не только колонии, но и окрестные деревни.

Вообще окрестное население получает пользу от сельско-хозяйственных колоний. Колонии эти снабжают окрестных крестьян хорошим посадочным материалом и молодняком улучшенного и племенного скота. Некоторые колонии имеют возможность предоставлять окрестному крестьянскому населению для пользования свой сельско-хозяйственный инвентарь и производителей различного рода скота. Наконец крестьяне, посещая колонии, наблюдают за улучшенными способами обработки земли и переносят эти способы в свои хозяйства.

Большей частью в сельско-хозяйственных колониях для заключенных устраиваются различные подсобные мастерские—кузнечные, столярные, слесарные, и т. п., которые также обслуживают не только самое колонию, но и окрестное население. Растет также число доходных подсобных предприятий при сельско-хозяйственных колониях, как, например: мельницы, лесопильные и маслобойные заводы, крупорушки, кирпичные заводы и др.

Режим в колониях полусвободный: в колониях не имеется никаких стен вокруг колоний и решеток. Заключенные могут в свободное от занятий время свободно ходить по всей колонии и даже в окрестных местностях. Заключенные обязаны быть налицо к вечерней и утренней поверке, а между этими двумя поверками, т.-е. с вечера до утра, они должны оставаться в общежитии. В колониях надзирателей почти не имеется, это удешевляет содержание колоний, тем не менее побеги из сельско-хозяйственных колоний очень редки. Если и бывают изредка побеги, то они случаются только тогда, когда делаются попытки перевести в колонии воров-профессионалов городского типа. Заключенные же крестьяне, с первой судимостью, не порвавшие связи с деревней и имеющие постоянную оседлость, конечно не бегут.

Также редко заключенные в сельско-хозяйственных колониях совершают дисциплинарные проступки. Очень редко случаются временные самовольные отлучки из колонии и пронос спиртных напитков. Для того, чтобы поддерживать дисциплину и порядок, достаточно угрозы перевода из колонии в закрытое место заключения.

Жилищные условия колонии в большинстве вполне удовлетворительны. Колонии большей частью расположены в бывших помещичьих усадьбах.

Условия труда заключенных в колониях мало чем отличаются от условий труда в вольных совхозах. Зарплата, получаемая колонистами, составляет 5-8 рублей в месяц и даже больше, конечно на всем готовом. Пища в сельско-хозяйственных колониях обильнее и лучше по качеству, чем в закрытых местах заключения. Приучать заключенных к труду в сельско-хозяйственных колониях не приходится. Большинство заключенных в них—крестьяне, привыкшие усердно работать и на воле, при этом иногда в более трудных условиях, чем в колонии.

Среди заключенных в сельско-хозяйственных колониях ведется и культурно-просветительная работа. Имеются во всех колониях школы для ликвидации неграмотности и школы для малолетних. Заключенным читаются лекции и с ними проводятся беседы по сельско-хозяйственным вопросам и на политические темы. Почти во всех колониях имеются клубы, библиотеки и радио. Имеются также различные кружки, в особенности физкультурные и драматические. Культурно-просветительная работа ведется, главным образом, в зимнее время, но она не прекращается в течение всего года.

В культурно-просветительную жизнь колонии широко втягивается окрестное крестьянство. Вот что пишут по этому поводу в своих отчетах заведующие культурно-просветительными частями в колониях:

„Работа среди окружающего крестьянства началась еще зимою 1923 года. Прежде всего широко были открыты двери клуба, а в летнее время, кроме того, и спортивная площадка. А так как ближайшие деревни далеко отстоят от волостных или районных культучреждений, то естественным образом крестьянская молодежь с удовольствием пошла в колонии и, широко влившись в кружки драматический, хоровой, политграмоты и спортивный, приняла в их работе самое активное участие“.

„...Крестьянская молодежь научилась очень и очень многому. Благодаря непрестанному воздействию учебно-воспитательной части колонии, благодаря постоянному наличию в среде заключенных небольшой группы образованных и общественно-развитых людей,—крестьянская молодежь научилась умелому подбору и чтению книг, научилась правильной кружковой работе, восприняла все, что в кружках изучалось, научилась петь и выступать на сцене, научилась физкультуре и спорту. В подтверждение этого можно привести заявление председателя сельсовета тов. Х., констатировавшего, что культработа колонии содействовала полному прекращению хулиганства и пьянства в селе, содействовала прекращению бессмысленных и ненужных вечерних посиделок и значительно подняла культурный уровень деревни“.

Таковы те достижения, которые имеются в деле организации сельско-хозяйственных колоний для заключенных. Достаточны ли они? Конечно, нет. Как много ни сделано, но нужно сделать еще много больше. В этом направлении ведется работа как Главным управлением местами заключения, так и местными исправительно-трудовыми органами. В колонии должно быть выведено еще очень большое чис-

ло заключенных. Как правильно сказал начальник Главного управления местами заключения тов. Ширвиндт, лозунгом в этом направлении должны быть слова: „Все случайно впавшие в преступление трудовые элементы—в колонии и облегченного типа исправительные учреждения“!

Этот лозунг должен быть и будет полностью проведен в жизнь.

12. ТРУДОВЫЕ КОЛОНИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ТИПА.

Не так широко, как сельско-хозяйственные колонии, удалось пока развить трудовые колонии фабрично-заводского типа для заключенных.

Что представляют собою такие колонии?

Это фабричные предприятия с общежитием, расположенным на том же участке, на котором находится и само фабричное предприятие. Заключенные работают на фабрике, живут тут же, в общежитии и могут свободно двигаться по всему участку. Если трудовые фабрично-заводские колонии расположены вне города, то участок земли, занимаемый колонией, представляет собою большую по размерам площадь и заключенные имеют значительно большую возможность передвижения.

Самые крупные по размерам фабрично-трудовые колонии заключенных расположены под Москвой,—это Лианозовская, Крюковская и Завидовская колонии. В них находятся крупные кирпичные заводы, вырабатывающие за год до 20 миллионов штук кирпича. Здесь же имеется лесопильный завод и торфоразработки, поставляющие топливо для заводов колонии. В колониях работает до 3.000 заключенных.

До того, как заводы были отданы под колонии для заключенных, они находились в полуразрушенном состоянии. В настоящее время они полностью восстановлены, расширены и продолжают совершенствоваться.

Колонии эти находятся на самоокупаемости. Это значит, что государство не отпускает ни копейки на их содержание и что все расходы по содержанию колоний покрываются из прибылей, которые дают колонии.

Таким образом мы видим, что среди всех мест заключения все большее значение приобретают колонии различного типа (лесозаготовительные, сельскохозяйственные, фабрично-заводские и т. п).

Такое развитие колоний, помимо общегосударственного хозяйственного значения, имеет и большое принципиальное значение. Помимо указанной разницы между советскими м. з. и тюрьмами царской России или тюрьмами в капиталистических странах, в советских республиках места заключения не имеют того самодовлеющего значения, которое придается тюрьмам в капиталистических странах. Места заключения являются в советских республиках учреждениями, временно необходимыми в интересах борьбы с общественно-опасными действиями. При этом однако чисто „тюремные“ элементы, как высокие стены, решетки на окнах, замки на дверях, вовсе не являются чем-то необходимым, без чего не мыслится лишение свободы. Наоборот, советская исправительно-трудовая политика стремится к изжитию тюрьмы и всех тюремных элементов. Программа партии ВКП(б) говорит о необходимости замены тюрем „воспитательными учреждениями“. Вот почему Исправительно-трудовой кодекс еще в 1924 г. дал директиву о максимальном развитии, вместо оставшихся от царского времени тюрем, сети трудовых колоний.

Таким образом, если советские места заключения вытеснили старые царские тюрьмы, то теперь, в свою очередь, места заключения вытесняются трудовыми колониями, т.-е. полусвободными учреждениями, так же сильно отличающимися от закрытых мест заключения, как сильно отличаются эти места заключения от старых царских тюрем.

13. ТРУД В ЖИЗНИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Нет ничего тяжелее в жизни заключенных, чем вынужденное безделие, когда заключенный не знает, как ему заполнить медленно тянущееся время. Об этом пишут в своих воспоминаниях все бывшие заключенные в царских тюрьмах.

Но немногим лучше для заключенного и бессмысленный, унижающий человека непроизводительный труд, практикуемый в некоторых буржуазных тюрьмах. Что может быть унизительнее, чем перекладывание с одного места на другое груды камня или песку, или бесконечное распарывание и сшивание все одной и той же вещи, или даже щипание изо дня в день старого каната?

Такой труд не благодеяние для заключенного, не способ исправления, а источник озлобления и ненависти.

Только осмысленный, производительный, общественно-полезный труд, организуемый в советских местах заключения, может принести заключенному и пользу, и радость.

С нетерпением ждут поэтому заключенные в советских местах заключения часа, когда наступает работа.

„Семь часов утра,—пишет один заключенный. Раздается свисток, вызывающий мастеровых на работу. Все ждут с нетерпением этого свистка, дающего возможность размять свои кости на работе. Но вот настала всем желанная минута—начали вызов на работу.“

Заключенные понимают, что только обучение труду может дать им возможность по выходе из места заключения стать опять честными гражданами. Месяцы и годы, проведенные ими в производственных предприятиях, возвращают их в пролетарскую среду, из которой они вышли. Они опять начинают любить и понимать производство, уважать труд и стремятся навсегда возвратиться к станку и машине.

В своих стихотворениях заключенные часто пишут об этом. Так, в одной из газет, издаваемой в месте заключения, мы читаем:

Нас поглотил машинный шум,
Стальных машин мы стали части,
И средь тяжелых, тусклых дум
Мелькнула мысль о новом счастьи.

Нас производственный гудок
Роднит с трудом грядущей воли,
Да, знаем мы, что новый срок
Судья не вынесет нам боле.

В другом—заключенный описывает, какой радостью наполняет заключенных работа у станка:

Уж семь... Спеши... зовет гудок...
Проснулся двор Труда...
Разлился струями поток.
Ты здесь?.. А мне туда..
Товарищ, дай локомотив!
Вздохнул стальной душой,
Обычный начал мой мотив,
Ремень мой приводной.
Пылает горн, визжит пила,
Веселый шум и смех...
В труде, товарищ, жизнь мила
И спорится успех.

14. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

В царских тюрьмах все дело просвещения заключенных находилось в руках священников. Священники, эти верные слуги самодержавия, стремились вытравить в умах заключенных всякий зародыш свободной мысли, воспитать их на началах религии и укрепить в них преданность самодержавию. Немудрено, поэтому, что священникам предоставлялись в тюрьмах самые широкие права, и что в каждой тюрьме непременно устраивалась православная церковь. Во „Временных правилах о распределении служебных обязанностей между чинами управления тюрем в г. С.-Петербурге“ широкое место отводилось правам тюремного священника. В этих правилах устанавливалось, что „священник, отнюдь не вмешиваясь в дела управления, обязан знать все, что относится до порядка исполнения наказания и тюремной дисциплины“. На основании этого правила, священник мог требовать отчета во всем, происходившем в тюрьме.

Священник наблюдал за преподаванием в школе, он же заведывал библиотекой и выдавал книги. Его обязанностью было „принимать все зависящие от него меры к благотворному религиозному и нравственному воздействию на заключенного“.

Как же осуществлялось это воздействие?

Прежде всего, тюремные правила запрещали не только „игры в карты, шашки и кости“ или „игру на музыкальных инструментах“ и „соблазнительные песни“, но даже „хохот, разговоры“ и „вообще всякого рода резвости“. Далее, следовали церковные службы и разного рода „религиозно-нравственные увещевания“, целью которых было „назидание заключенных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности“. Тюремные правила содержат подробнейшие правила о богослужениях, о проповедях, о преподавании закона божьего, о религиозных беседах, об увещеваниях и т. п. Если царские тюремные уставы и упоминают иногда слово „исправление“, то речь идет только о религиозно-нравственном исправлении. Так, например, в „Уставе о содержащихся под стражей“ даются следующие наставления: „для возбуждения и поддержания в арестантах стремления к исправлению, им от времени до времени читается наставление об обязанностях христианина и о постепенном облегчении участи раскаявшегося в своей вине преступника.“...

Нужно ли говорить о том, что ежедневно перед всеми заключенными читались утренняя и вечерняя молитва, что в праздничные дни заключенные посылались в церковь „для слушания божественной литургии“ и должны были слушать „поучения духовного отца исправительного арестантского отделения или же чтения назначенных им мест из священного писания или других назидательных книг“...

Конечно, полная изоляция заключенного от общественной и политической жизни страны, держание его под замком, унижение человеческого достоинства и необходимость изо дня в день выслушивать лицемерные проповеди и увещания вызывали в заключенных не „покаяние“, не „христианскую покорность“, а, наоборот, злобу, ненависть и чувство мести.

Весьма сходную картину мы наблюдаем до сих пор в тюрьмах капиталистических стран. Священник играет в них всюду важную роль. Все воспитательное воздействие находится у него в руках. В американских, английских, германских, французских и других тюрьмах священник—обязательный член тюремной администрации. Он руководит один и школьной работой и библиотекой. В английских тюрьмах священник является одним из трех высших чинов администрации. В более крупных тюрьмах имеются три священника: католический, протестантский и еврейский. Помимо своих прямых обязанностей, священник дает учителям „тщательные личные инструкции и направление в деле обучения заключенных“. Во Франции и Бельгии священники—непременные члены администрации и руководители всей духовной жизни заключённых.

На дверях каждой одиночной камеры в заграничных тюрьмах можно и сейчас еще встретить карточку с указанием религии, к которой принадлежит данный заключенный.

Из сказанного ясно, что до сих пор еще исправление в тюрьмах капиталистических стран сводится к религиозному покаянию, к „духовному перерождению“ и к „нравственному возрождению“ согрешившего человека.

Советское право раз и навсегда порвало со всеми этими религиозными бреднями. Священники и церковь навсегда изганы из советских мест заключения. Церковные здания использованы под клубы, или мастерские. Ни о каком „нравственном“, а тем более религиозном „возрождении“ не может быть здесь и речи. Все это наследие старого строя и старых верований не только не „исправляло“ пре-

ступника, но забивало его голову ненужным вздором, еще более коверкавшим его и делавшим его еще более неприспособленным к жизни на свободе.

В советских местах заключения, вместо всего этого бессмысленного и вредного религиозно-нравственного воздействия, ведется обычная культурная и просветительная работа, та же самая работа, которая ведется и со свободными гражданами.

Цели этой работы—простые, ясные и вполне достижимые. Эта работа стремится поднять умственный уровень заключенного, сообщить ему общеобразовательные и профессиональные знания, ознакомить его с основами советского строя и с правами и обязанностями гражданина Союза ССР.

Рис. 10. Заключенные в школе.

Все эти задачи, стоящие пред каждым советским гражданином, стоят также и перед трудящимся, совершившим преступление и попавшим в место заключения. Успешное достижение этих задач окажет большую пользу заключенному-трудящемуся и действительно облегчит ему жизнь на свободе. Культурно-просветительное воздействие вместе с обучением трудовым навыкам—это единственные способы приспособления заключенного-трудящегося к жизни в трудовом обществе. Других способов советские места заключения не знают, да другие способы никому и не нужны.

Если цели, которые преследует культурно-просветительная работа в местах заключения, те же самые, которые ставятся культурно-просветительной работе среди свободного населения, то и пути, по

которым эта работа протекает, одни и те же и в месте заключения, как и на воле.

В местах заключения нет никаких проповедей, увещеваний, уговоров. Культурно-просветительная работа протекает или в школе, или в клубе, или, наконец, в мастерских. Заботясь о том, чтобы культурно-просветительная работа протекала в необходимых условиях, исправительно-трудовой кодекс предлагает отводить для этой работы надлежащим образом оборудованные помещения. В каждом месте заключения имеется по крайней мере школа, клуб и библиотека, а в больших местах заключения имеется еще помещение для красного уголка, театра, кино, спектаклей, концертов и лекций.

Как писала одна газета заключенных (о них будет речь впереди), в советских местах заключения, „вместо одурманивающего, гнусавого пения попов, молодые, бодрые голоса культурных работников стремятся сделать все возможное для просвещения. И там, где как стон когда-то вырывалась кандальная песня, поющаяся полузадушенными голосами арестантов,—исправдомская радиостанция переносит концерты, исполняемые в первоклассных театрах СССР“.

Несмотря на то, что на места заключения в советских республиках отпускается гораздо меньше средств, чем в царской России, на культурно-просветительную работу здесь отпускается во много раз больше, чем в царских тюрьмах. На содержание личного состава учебно-воспитательных частей при местах заключения только в РСФСР было отпущено в 1927—1928 году 476.556 руб., тогда как на содержание тюремных учителей и библиотекарей во всех тюрьмах бывшей российской империи в 1913 г. (последний отчетный год довоенного времени) было отпущено всего лишь 11.128 руб.

Кроме того, на содержание школ, библиотек и клубов в местах заключения РСФСР было отпущено по государственному бюджету 38.000 руб., не считая денег, отпущенных по местному бюджету.

Таким образом, культурная революция, которую провозгласила советская власть, происходит и за тюремными стенами. В газете заключенных „К трудовому общежитию“ один из заключенных посвятил культурному походу следующее стихотворение:

И если на воле культурный поход,
То нам отставать не годится.
Мы тоже должны записать на приход
Свои небольшие страницы.

Мы верим,—другими вернемсядомой,
И в нашей советской отчизне
Мы тюрьмы и церкви сравняем с землей,
Не в сказке, не в песне, а в жизни.

Пусть старого быта сгнивает скелет
И старое все изживается.
Культурный поход продиктует декрет:
„Преступником быть воспрещается“.

Так труд и культурно-просветительная работа ведут к одной цели: к борьбе с преступностью при помощи приспособления заключенных к трудовой жизни на свободе.

15. ШКОЛЫ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

В каждом месте заключения имеется школа. Школа—это то обязательное требование, которое пред'является каждому месту заключения. Ликвидация неграмотности и малограмотности представляет первую и самую неотложную задачу, которая должна быть достигнута в отношении всех заключенных. Поэтому закон делает обязательным посещение школы для всех неграмотных и малограмотных заключенных, не достигших 50-летнего возраста.

Кроме школ по ликвидации неграмотности, в местах заключения организуются школы повышенного типа для грамотных и общеобразовательные курсы. Школьная работа ведется специальными учителями при местах заключения, под общим руководством заведующего учебно-воспитательной частью места заключения. Как и во всей культурно-просветительной работе среди заключенных, идейное руководство школьной работой принадлежит Главполитпросвету и его местным органам. И в этой области работы проводится четкий классовый подход. Культурно-просветительное обслуживание должно распространяться на заключенных из среды трудящихся.

Имеющийся материал говорит о том, что работа по ликвидации неграмотности и малограмотности в местах заключения протекает успешно.

Число неграмотных заключенных падает с каждым годом. Так, на каждых сто заключенных приходилось неграмотных:

В 1925 году	12,0
„ 1926 „	11,9
„ 1927 „	11,2

Из следующих цифр видно, что в школах при местах заключения главное внимание обращалось на обучение неграмотных и малограмотных. Из каждых 100 учащихся заключенных занимались:

	В 1925 г.	В 1926 г.	В 1927 г.
В школах по ликвидации неграмотности	48,0	43,2	43,8
„ „ для малограмотных	32,8	38,8	40,2
„ „ „ грамотных и на общеобразовательн. курсах	19,2	18,0	16,0

Среднее ежедневное число учащихся-заключенных составляло в 1927 году (за 1928 г. еще нет полных сведений):

В школах дли неграмотных и малограмотных	16.409 чел.
„ „ повышенного типа	1.900 „
На профтехнических и общеобразовательных курсах	1.282 „
Всего	19.591 чел.

16. ЛЕКЦИИ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Для того, чтобы поднять умственный уровень заключенных и развить их политическую грамотность и сознательность, в местах заключения систематически читаются лекции на различные темы: по общественно-политическим вопросам, по санитарно-гигиеническим, по обще-образовательным и др.

К чтению лекций привлекаются как специальные лектора с воли, так и сотрудники мест заключений и, в виде исключения, достаточно подготовленные и проверенные заключенные, которым для чтения лекций необходимо разрешение начальника места заключения.

Правда число прочитанных в местах заключения лекций из года в год падает. Но это об'ясняется тем, что там же развивается работа в кружках, которая преследует те же цели, что и лекции. А изучение того или иного вопроса в кружке с небольшим числом участников и с возможностью для каждого участника кружка принимать более деятельное участие в проработке вопроса, дает конечно заключенному больше пользы, чем лекция. Тем не менее, лекции также сохраняют свое значение в местах заключения и приносят большую пользу. Число их поэтому, несмотря на уменьшение, все же еще достаточно велико. Так, было прочитано в местах заключения РСФСР лекций:

	В 1925 г.	В 1926 г.	В 1927 г.
По вопросам общественно-политическим	18.655	19.479	11.809
По другим вопросам	16.540	20.065	13.230
Всего	35.195	39.544	25.139

Лекции среди заключенных пользуются большим успехом и очень охотно посещаются. В частушках, которые составляются и распеваются в местах заключения, лекции упоминаются довольно часто. Так, в одной из частушек поется:

Я попал в тюрьму вчера,
Прямо без протекции,
А теперь здесь каждый день
Слушаю я лекции.

Лекции устраиваются преимущественно в дни отдыха когда заключенные свободны от работ и школьных занятий.

17. КРУЖКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Если число прочитанных в местах заключения лекций уменьшается, то зато бурно растет число кружков заключенных. Растут и развиваются самые разнообразные кружки: по политграмоте, хоровые, физкультурные, шахматно-шашечные, радиокружки, кружки безбожников, сельско-хозяйственные, бухгалтерские, кооперативные, электротехнические, строительные, транспортные, по черчению, советского права, иностранных языков, фотографические, автомобильные и др.

Кружками руководят учителя-воспитатели и только в отдельных случаях руководство кружками поручается заключенным, безусловно заслуживающим доверия.

О том, как растет число кружков в местах заключения РСФСР, можно судить по следующим цифрам:

	Работало кружков:		
	В 1925 г.	В 1926 г.	В 1927 г.
Театральных	312	277	244
Музыкально-вокальных . .	222	186	175
Общеобразовательных . .	143	111	73
Политграмоты	213	232	231
Физкультуры и прочих . .	340	486	798
Итого	1.230	1.292	1.521

В газетах и журналах заключенных мы часто находим сведения о работе кружков. Из этих сведений видно, что при помощи работы в кружке, заключенные успешно достигают тех целей, которые ставятся культурно-просветительной работе в местах заключения. Вот, например, что пишет группа заключенных, окончивших работу в кружке политграмоты:

„13 июня после четырехмесячной работы произведен выпуск кружка политграмоты 2 ступени.

Проверочные испытания показали, что слушатели хорошо усвоили пройденное. Испытание выдержали:

Тюрин, Левин, Филиппов, Галкин, Гурштейн, Касперович, Климов и Герасимов.

Все слушатели этого кружка считают, что это является в пределах дома заключения большим достижением в работе учебно-воспитательной части и особенно теперь, когда партия ведет усиленное раз'яснение правильных основ ленинизма, когда рабочий класс нашей страны занят проведением в жизнь пятилетнего плана.

Нам, лишенным свободы, была дана возможность приобрести твердое понимание цели и задачи, которые должны быть проводимы в жизнь партией ВКП (б) и всей общественностью нашей страны.

Пусть наши познания будут лучшей благодарностью учебно-воспитательной части и руководителю кружка, воспитателю Р.“.

А вот, что пишут другие заключенные, окончившие кружок счетоводства:

„14 апреля мы, десять заключенных, окончили кружок счетоводства, несмотря на те трудности, с которыми нам пришлось в период учебы столкнуться.

Шаг за шагом, при помощи наших руководителей, нам все-таки удалось постигнуть основы этой науки.

Обращаемся с большой благодарностью к приехавшей с воли для проверки наших знаний экспертной комиссии и к нашим руководителям за то, что они пришли к нам на помощь и дали возможность получить квалификацию. Даем слово, что и дальше мы ставим своей задачей углублять и расширять наши знания, чтобы, по выходе из заключения, иметь возможность честным трудом загладить свою вину и принести пользу строительству нашего Союза“.

18. БИБЛИОТЕКИ И ЧИТАЛЬНИ.

В каждом месте заключения обязательно имеется библиотека и, по возможности, устраивается и читальня для заключенных. В библиотеке должны быть книги политико-просветительного и популярно-научного содержания, а также повести, рассказы, романы, описания путешествий и т. п.

Конечно, книги религиозного содержания из библиотеки заключенных изгнаны. Этим библиотеки при советских местах заключения больше всего отличаются от библиотек в царских тюрьмах и библиотек в тюрьмах современных буржуазных стран. Там, наоборот, не допускаются всякие книги политического содержания и преобладают религиозные и духовно-нравственные книги. Главной книгой является там, конечно, евангелие. В царских тюремных уставах имелось специальное правило о том, что „содержащимся в тюрьмах разрешается иметь при себе, а ссыльным и пересыльным брать с собою в дорогу евангелие и другие книги духовно-религиозного содержания“. В Англии до сих пор евангелие является единственной книгой, которую заключенный имеет право постоянно иметь при себе или в камере.

Само собою разумеется, что в советских местах заключения не только изгнаны религиозные книги, но и имеется во всех библиотеках специальная безбожная литература.

В тех местах заключения, где собственных книг в библиотеке недостаточно, на помощь приходят передвижные библиотеки с воли. Право чтения книг для заключенных, конечно, неограничено. Больше того: чтение всячески поощряется. За тем, что именно заключенные читают, следят учителя-воспитатели. Они руководят чтением и рекомендуют заключенным наиболее полезные для каждого из них книги. Так, например, заключенному-крестьянину рекомендуются, на ряду с общеобразовательными и политико-просветительными книгами, по преимуществу книги по сельскому хозяйству.

19. ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

В царских тюрьмах чтение газет было строго запрещено для заключенных. Заключенные не должны были ничего знать о том, что происходит за тюремными стенами. Даже журналы разрешалось читать только прошлогодние, да и то только религиозного содержания, как, например, „Епархиальные ведомости“ или военно патриотического характера, как „Русский Инвалид“, из которого ничего нельзя было узнать о том, что происходит в политической и общественной жизни.

Известно из воспоминаний узников шлиссельбургской крепости, с каким волнением они раз за много лет узнали о некоторых событиях в жизни на воле из клочка газеты, который случайно занес к ним ветер.

Запрещение чтения заключенными газет и журналов до сих пор еще является правилом в большинстве тюрем капиталистических

стран. Чтение газет заключенными там или вовсе запрещается или разрешается в виде исключения заключенным высших разрядов. Однако, при этом газеты могут быть только профессионально-технического характера.

Все это ведет к тому, что заключенный, выходя на волю, оказывается окончательно неприспособленным к жизни и ему необходимо много времени для того, чтобы разобраться во всех изменениях, которые произошли во время его нахождения в тюрьме.

Советское исправительно-трудовое законодательство считает, что заключенный не должен отрываться от всего, что происходит на воле. Наоборот, он должен по возможности поддерживать связь с внешним миром, знать обо всем, что происходит за стенами места заключения и подвергаться культурно-просветительному воздействию не только внутри места заключения, но и извне.

Рис. 11. Редакционная коллегия стенгазеты заключенных.

Поэтому, заключенные в советских местах заключения не только имеют право на чтение выходящих на воле газет и журналов, но даже получают ежедневно газеты за счет государства. Кроме этих получаемых бесплатно газет, они имеют право выписывать любую газету и любой журнал, выходящие на воле. Точно также в библиотеках и читальнях при местах заключения выписываются различные газеты и журналы.

Число выписываемых газет и журналов ежегодно растет. Это видно из следующих цифр.

Выписывалось газет и журналов в местах заключения РСФСР:

В 1924 г.	693.200	экземпляров
„ 1925 „	768.500	„
„ 1926 „	928.300	„
„ 1927 „	1.155.600	„

Но всего этого мало.

Для того, чтобы развить в заключенных самодеятельность и инициативу, чтобы развить в них общественность и самокритику, чтобы привлечь их самих к борьбе с остатками старого тюремного быта, к борьбе с непорядками и злоупотреблениями в местах заключения,— им разрешается издавать собственные газеты и журналы.

В этих газетах и журналах все делают сами заключенные. Они пишут в газете, они состоят членами редакции, они сами печатают газеты в типографиях, находящихся при месте заключения, они являются и читателями.

В каждом месте заключения обязательно издается стенная газета. В более крупных местах заключения издаются, кроме того, рукописные или печатные типографским способом газеты. Некоторые из них выходят в большом числе экземпляров. Например, газета заключенных московских мест заключений „К трудовому общежитию“ выходит в количестве 6.000 экземпляров и это количество придется, повидимому, еще увеличить.

О росте журналов и газет заключенных в местах заключения только РСФСР, говорят следующие цифры:

	Было выпущено:		
	в 1925 г.	в 1926 г.	в 1927 г.
Стенгазет	2.421 экз.	2.910	3.009
Печатных газет	24	18	21
с тиражем	39.600	27.000	42.000
	42.045	29.928	45.030

В 1927/28 г. было издано 2.685 стенгазет, 432 номера типографски исполненных газет и журналов, а всего 31.117 разных номеров. Тираж их превысил 50.000.

Заключенные с большим увлечением принимают участие в газете. В эту работу втягиваются даже профессиональные преступники-рецидивисты. Так, например, один из них пишет:

Ура, тюремная газета!
Ты среди мрака родилась;
Вдали от радости и света
Ты к нам в темницу пробралась.
Тебя читают все с восторгом,
И устремлен к тебе наш взор,
Я для тебя уж стал стенкором,
А до тебя был только вор.

В местах заключения выросла огромная армия камерных корреспондентов — камкоров. С полной сознательностью относятся они к своей задаче. Так, в одной из газет мест заключений мы читаем:

„Через газету мы сумеем добиться устранения тех ненормальностей, которые возникают в нашем быту. Через газету можно не

только одернуть зарвавшегося администратора, но через газету можно и должно бороться с такими явлениями, как драка в камерах, ругань, грязь... Зачастую опубликование фамилии заключенного, нарушившего правила исправдома, сильнее действует на него, чем административное взыскание".

О том, в каких условиях работают камкоры, видно из следующих строчек, которые имеются в обращении редакционной коллегии одного из мест заключения к заключенным камкорам:

„Камкор обязан, не останавливаясь ни пред чем и без всякой боязни, писать о всех замеченных им непорядках, упущениях, насилиях, злоупотреблениях, от кого бы они ни исходили.

Камкор, как рабселькор, обязан писать обо всем решительно в свою газету, памятуя, что написанное им будет проверено редакцией и будут приняты все меры к ликвидации нарушений и отступлений от тех или иных правовых норм революционной законности.

Редакция газеты гарантирует полную тайну авторам корреспонденции, если они желают подписываться не своей фамилией, а псевдонимом. Редакция примет все меры к тому, чтобы оградить своих сотрудников от беззаконных действий, от кого бы эти беззакония ни исходили".

Некоторые газеты заключенных достигли большого совершенства и представляют интерес не только для заключенных, но и для всякого гражданина, интересующегося вопросом борьбы с преступностью.

Про одну из газет заключенных „Известия ЦИК Союза" недавно писали: „Это большая восьмистраничная газета, типа хорошего губернского органа. Печатается она в своей домзаковской типографии. Камкоры (камерные корреспонденты) критикуют на страницах работу администрации, указывают недостатки, требуют устранения их и т. д.".

20. РАДИО В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Радио является в Советском Союзе мощным орудием просвещения. Посредством его миллионы трудящихся приобщаются к культурной и политической жизни страны и получают возможность развивать и совершенствовать свои общие и политические знания.

Советская власть пользуется радио для культурно-просветительного воздействия на заключенных. Радио является для этого очень ценным средством. Дело в том, что заключенный не может влиять через радио на внешний мир и не может ничего передать из места заключения на волю, но может получать от внешнего мира только нужное и полезное.

Вот почему Главное управление местами заключения РСФСР поставило своей задачей добиться того, чтобы в каждой камере было радио, чтобы каждый заключенный имел свой радиоприемник.

Эта задача, конечно, полностью еще не достигнута. Для этого понадобится еще много усилий, но места заключения быстро идут по

пути к полной радиофикации. Это видно из следующих цифр, рисующих рост радио в местах заключения:

	В 1926 г.	В 1927 г.	В 1928 г.
Было громкоговорителей в местах заключения .	12	142	297
Детекторов	45	435	9 273
Радиосеансов	2.320	42 600	59.400
Посетителей на них . .	400.328	2.480.000	5.100.240

Для того, чтобы привлечь как можно больше заключенных к слушанию радио, заключенным дается возможность изготовлять самим радиоприемники с тем, что им предоставляются для этого все возможности по получению материала, пользованию инструментами мастерских при местах заключения и т. д. Радиоприемники обходятся поэтому заключенным очень дешево, и каждый заключенный может таким путем изготовить себе дешевый радиоприемник.

Рис. 12. Радио в колонии заключенных.

Некоторые места заключения радиофицированы уже на все 100 процентов и в них нет такой камеры, где бы все заключенные не имели возможности слушать радио.

В очень многих местах заключения имеются радиокружки. Эти кружки об'единяют радиолюбителей, организовывают радиослушание для всех заключенных и, кроме того, ведут работу по изучению радио-техники.

Радио проникло даже в изоляторы: „Наш изолятор, пишет в газете один заключенный, также радиофицирован. Имеется уже до 4 радиоустановок, обслуживающих свыше 10 человек. Радиолюбительство растет с каждым днем. Имеется специальная мастерская для изготовления аппаратов. Есть и особый кружок, где слушатели, лишенные

свободы, знакомятся с радиотехникой". Есть изоляторы, в которых радиофицированы все без исключения камеры.

Радио является лучшим способом борьбы с пережитками старого быта в камере. Оно приходит на место игры в карты и других запрещенных игр, на место вынужденного безделья, заполняет досуг заключенного культурным времяпрепровождением и приносит с собою не только развлечение, но и пользу.

В своих газетах и журналах заключенные с восторгом описывают роль радио в их жизни и подтверждают, что оно действительно является мощным орудием просвещения и воспитания заключенных.

Вот одно из многочисленных стихотворений заключенных, посвященное радио:

Гремит и льется радио,
Все громче и сильней,
Несет слова московские
До камеры моей.

Бросает рупор весело
Концерт, стихи, рассказ,
И фельетон, и лекции,
И комсомольский час.

А в „Деревенском вечере"
По праздникам поет
Нам песенки крестьянские,
Частушки и раек.

И темной ночью позднею,
Когда все спит кругом,
Торжественно доносится
Кремлевской башни звон.

Слушают внимательно
В деревне, в городах,
Что говорят в понятливых
Докладах и речах.

Тюремный сон нарушили
И песни и слова,
Мы с жадностью все слушаем,
Что говорит Москва.

21. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Работа заключенных в производственных предприятиях дает им технические навыки и повышает их квалификацию. Но для того, чтобы эту квалификацию еще более углубить, чтобы трудовые навыки опирались на прочное знание той отрасли производства, в которой заключенные работают, необходимо дать им возможность пройти профессионально-технические курсы.

Организация таких курсов при местах заключения дело не легкое. Оно требует и больших денежных затрат, и достаточного кадра под-

готовленных преподавателей, и развитых производственных предприятий, через которые должны организоваться профессионально-технические курсы.

Конечно, все эти условия имеются далеко еще не во всех местах заключения. Поэтому не во всех местах заключения имеются уже профессионально-технические курсы. Но кое-что в этом отношении уже делается.

Главное затруднение—отсутствие денег на организацию таких курсов в значительной степени уже устранено. Правительство РСФСР разрешило отчислять полпроцента с оборота мастерских при местах заключения на организацию профессионально-технического образования заключенных. Эти отчисления дают возможность серьезно поставить это дело.

Так, в одной из газет заключенных крупного места заключения мы читаем:

„В связи с отделением $^1/_2{}^0/_0$ с оборота рабочей части на профтехническое образование, что составит около 5—6 тысяч рублей в год, предположено имеющиеся в нашем доме заключения три школы фабрично-трудового ученичества с 120 учениками расширить до 6 школ с 200 учениками. Составлена подробная смета, по согласованию с Москпрофобром, в которой предусмотрена организация физических кабинетов, увеличение всяких технических пособий и ряд других мероприятий. Намеченная программа увязана с производством, привлечены к практическим занятиям с учениками, кроме руководителей, инструктора и цеховые мастера. Вносятся предложения, чтобы освобождающиеся места в механической мастерской не замещались случайными людьми, а предоставлялись ученикам в порядке выдвижения".

Другая газета заключенных сообщает следующие сведения о совещании, посвященном профессиональному образованию заключенных.

„Совещание считает необходимым:

1. Приступить к организации профтехнических курсов, организуя их применительно к мастерским и производствам, которые имеются в данном месте заключения. В тех местах, где не имеется возможности вести профтехнические занятия по производствам, находящимся в данном месте заключения, следует таковые все же организовать, ибо с получением теоретических познаний, по выходе из места заключения, полученные знания могут быть применены на практике.

2. Выработать программы для каждого вида курсов, взяв за основу программу Главпрофобра и переработав ее применительно к условиям данного места заключения.

3. Установить продолжительность курсов от 3 месяцев до одного года, как-то: слесарно-механическое, кочегарное дело, автотракторное, деревообделочное, шитья и кройки, трикотажное дело, сапожное дело, полиграфическое, сельско-хозяйственные курсы, курсы огнестойкого строительства".

А вот что мы читаем об уже существующих в одном месте заключения курсах:

„В начале апреля сапожные профессиональные курсы выпустили 60 человек и швейные 36 человек лишенных свободы, которые работают в сапожной и швейной мастерских. До момента лишения свободы большинство из них не имело соответствующих знаний. По социальному положению курсанты распределяются так: крестьян 77,2%, рабочих и ремесленников 17,4%, служащих 4,3%, прочих 1,1%. Несмотря на краткосрочность курсов, продолжительность несколько больше трех месяцев, при чем занятия происходили три раза в неделю и то не всегда исправно, в виду недостатка помещения,—несмотря на все это, курсы дали вполне удовлетворительные результаты. Повысилась как общая, так и профтехническая грамотность заключенных, при чем это немедленно сказалось на самом производстве как в увеличении производительности труда, так и в улучшении качества выпускаемой продукции. Последнее в швейной мастерской выразилось в повышении не менее, как на 35%.

Если места заключения будут усиливать и углублять свою работу в направлении организации профессионально-технического образования, то это будет гарантировать то, что преступник не только отбудет заключение, но и приобретет соответствующую квалификацию, что даст ему возможность на свободе зарабатывать хлеб трудовым путем“.

22. ДРУГИЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

В работу на профтехнических курсах могут быть втянуты далеко не все заключенные. Необходимо было поэтому найти и другие способы производственного просвещения, которые могли бы быть распространены на всю массу заключенных.

На первом месте стоят, конечно, производственные совещания работающих заключенных. Они организуются и проводятся так же, как и производственные совещания на воле. Вот отчет об одном из таких совещаний в месте заключения:

„Не так давно у нас проведена организация производственного совещания с участием заключенных.

На первом пленарном собрании было избрано бюро из пяти заключенных и двух кандидатов. Пленум же поручил бюро выработать план работ на 3 месяца. После пленума состоялось 2 заседания бюро, на котором были обсуждены два важных вопроса: 1-е—переход на бригадную систему работы в мастерских и 2-е—уменьшение себестоимости продукции на 7% за счет снижения цеховых расходов. Оба вопроса подверглись обсуждению не только самого бюро, но и всей массы заключенных, и сейчас мы видим, что оба эти мероприятия получили свое реальное осуществление, правда, еще не во всех мастерских“.

Далее идут:

1) устные журналы заключенных, т.-е. „живая газета“, которая выступает в клубе заключенных и дает в наглядной живой форме

сведения о росте производства, о недостатках в работе, о мерах к ее улучшению, о заказах, принятых мастерскими места заключения, о том, как и в какие сроки эти заказы будут выполнены и т. д.

2) Освещение в стенгазете и в писанных и печатных газетах, издаваемых заключенными, вопросов производства. В каждой такой газете есть отдел „Наше производство“, в котором подробно освещаются вопросы производства, указываются его недостатки, предлагаются меры к улучшению и т. д.

3) Организация производственных кружков заключенных, в которых они об'единяются для изучения таких вопросов производства, которые не требуют подсобных мастерских, кабинетов, лабораторий и т. п.

4) Организация при местах заключения лекций, выставок и вечеров вопросов и ответов по производству.

Все эти меры ведут к повышению профессионально-технических знаний среди заключенных.

23. ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ.

По всему советскому союзу широко распространилось за последние годы заочное обучение. Так как наши учебные заведения не могут вместить всех желающих в них учиться, да и не во всех местностях имеются как раз те учебные заведения, в которых желали бы заниматься отдельные граждане, то и организовано так называемое заочное обучение. С этой целью желающие заочно обучаться регистрируются в одном из бюро заочного обучения, вносят определенную плату и систематически получают по почте необходимые пособия и руководства. За каждым заочником бюро заочного образования следит, руководит его работой, дает ему письменные задания и проверяет их. Прошедшие в течение установленного времени курсы и сдавшие испытание получают диплом об окончании того или иного учебного заведения.

Заключенные, не имея возможности покидать место заключения, не могут, конечно, посещать учебные заведения. Между тем, у многих из них имеется большая жажда знаний, часто специальных, которых они в самом месте заключения получить не могут. К тому же заключенные имеют большое количество свободного времени, которое можно с пользой применить для учения.

Поэтому и возникла мысль: дать заключенным широкую возможность заочного обучения. Пришлось для этого войти в связь с различными бюро заочного обучения, закрепить за заключенными определенное число мест и распределить эти места между желающими учиться заключенными. При этом имеются бесплатные и льготные места.

Работа по заочному обучению в местах заключения РСФСР уже ведется и продолжает развиваться. Уже сейчас заключенные могут заочно обучаться на курсах „Полиглот“ (счетоводно-бухгалтерскому делу и черчению), в заочном Коммунистическом университете при

Коммунистическом университете имени Свердлова, в бюро заочного обучения при Главполитпросвете, в бюро заочных юридических курсов при 1-м Московском государственном университете, во Всесоюзной ассоциации инженеров, в бюро обучения иностранным языкам, на заочных курсах профтехнического образования при НКПС и т. д.

Бесплатные и льготные вакансии на курсы по заочному обучению предоставляются только заключенным рабочим и крестьянам.

В некоторых местах заключения заочникам помогают работать специальные инструктора, командируемые для этого местными органами просвещения. Вот как в одной из газет заключенных описываются занятия заочников с инструктором:

„Уже 5 часов... После производственных работ в мастерских пили чай и успели немного отдохнуть. Во всех концах камеры начинается учеба. Читают, пишут, решают задачи.

Мирное жужжание наполняет комнату. В центре размещается за большим столом группа „рабфаковцев заочников".

Чашки, миски сдвигаются в сторону; стол заполняется книгами, карандашами, тетрадками... Начисто вытирают доску.

Предыдущая беседа хорошо усвоена, но много новых больших трудностей. Мысль бьет ключем. Студента забрасывают картечью вопросов: „Как проверить решенную задачу?"—„Почему у меня 5/7 не дают точной десятичной дроби?" „Как лучше усвоить правило деления десятичных дробей?"...

Лица делаются сосредоточенными, серьезными. Зорко следят за ходом задачи. Поправляют ошибки товарища, помогают ему усвоить новое... Стройно идет колонна заочников на борьбу с мраком...

В каждом месте заключения имеется специальное бюро по заочному обучению. Бюро организует всю работу заочников, оказывает ей содействие и дает необходимые советы и указания заочникам.

Приводим расписание заочных занятий в одном из мест заключения:

1. Заочная школа для малограмотных;
2. Заочная школа для 1-й ступени;
3. „ „ „ 2-й ступени;
4. Заочные сельско-хозяйственные курсы;
5. „ курсы профтехнических знаний;
6. Курсы счетных наук;
7. „ финансово-экономических наук;
8. „ кооперативные курсы при Центросоюзе;
9. „ курсы советского строительства;
10. „ юридического образования;
11. „ иностранных языков;
12. „ кино-сценаристов и кино-механиков;
13. „ чертежников.

На ряду с заочным обучением в местах заключения принимаются энергичные меры к развитию самообразования заключенных. Такой путь получения знаний имеет большое преимущество. Он пробуждает в заключенных инициативу и самодеятельность. Вся работа лежит на

ученике, за учителем остается только общее руководство работой, направление ее на правильный путь и дача необходимых советов и раз'яснений тех недоразумений и трудностей, которые возникают у самоучек.

Самообразованием самоучки занимаются по специальным, строго разработанным программам. Для помощи самоучкам в каждом месте заключения организуются бюро самообразования. Задачи бюро самообразования следующие: помочь заключенным пополнить свои знания путем самостоятельного изучения отдельных предметов или проработки нескольких, связанных между собою предметов по той или иной программе. Кроме того, бюро помогает заключенным выбрать ту книгу, которая ему нужна, и разобраться в этой книге. Бюро указывает заключенному, где и каким образом он может, находясь в месте заключения, получить те сведения, которые он ищет.

Заключенные, желающие заняться самообразованием, заявляют об этом в бюро самообразования и на следующий же день вызываются в бюро, которое, после беседы с заключенным, дает им все необходимые сведения и материалы.

Самообразование очень развито в местах заключения. Вот что пишет о самообразовании одна из газет заключенных:

„Желающим пополнить свое образование учебно-воспитательная часть организовала курсы самообразования. Имеются учебники по русскому языку, арифметике, географии и начальной алгебре. Эти учебники раздаются записавшимся на курсы, один урок за другим. Для облегчения занимающихся имеются консультанты (инструктора), лишенные же свободы, которые систематически оказывают помощь при прохождении того или иного курса... Вся работа по самообразованию ведется, строго придерживаясь метода Главполитпросвета и под его руководством.

В настоящее время записались на курсы 181 лишенных свободы, которые по своему социальному происхождению составляют: 75%—крестьян, 22%—рабочих и 3%—прочие. По возрастному же признаку они делятся на следующие группы: до 20 лет—16 человек, до 30 лет—155 чел. и до 40 лет—6 чел.".

А вот как описываются в газете заключенных испытания прошедших курсы по самообразованию:

„14 февраля учебно-воспитательная часть устроила проверочную конференцию. Для осуществления этого задания из 182 было отобрано 110 человек, именно те, которые работали с октября и имели уже определенные достижения в изучаемых предметах.

Привлеченных к проверке оказалось по арифметике 81 человек, их пришлось разделить на две группы: в 25 человек, изучавших арифметику до дробей, и 56 человек., прошедших простые и десятичные дроби. По географии было проэкзаменовано 12 чел. и по алгебре 17 чел. Контрольная конференция дала самые отрадные результаты: наглядно было выявлено, помимо сознательного отношения к учебе, определенное значение и ясное понимание всего пройденного. Успех был налицо.

Учебно-воспитательная часть, установив положительный результат контрольной конференции, признала необходимым, в целях поощрения на будущее время, премировать особо отличившихся на конференциях более частыми вызовами в красный уголок, предоставлением бесплатных посещений кино и т. д".

24. ДРУГИЕ ВИДЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Мы указали только на наиболее важные способы культурно-просветительного воздействия, применяемые в местах заключения.

Однако, этим культурно-просветительное воздействие не ограничивается. Мы поэтому вкратце упомянем и о других путях, которые ведут все к одной и той же цели, т.-е. приспособлению совершившего преступление к жизни в трудовом обществе.

Начнем с клубов и красных уголков. В местах заключения красные уголки организуются такого типа, как и при вольных предприятиях и учреждениях. Имеются при местах заключения и специалисты по красноуголковой работе. Посещение красного уголка всегда является желанным событием в жизни заключенного. Поэтому, в виде меры поощрения или награды, применяется предоставление права на более частые посещения красного уголка.

Клубы и красные уголки имеются в каждом месте заключения. Каждое место заключения пережило тот торжественный момент открытия клуба, который один заключенный описывает следующим образом: „Как-то сразу взвился занавес. От неожиданности дрожь пробежала; стало тихо, тихо. Прорезали лишь первые брошенные со сцены слова: „Собрание заключенных, посвященное открытию клуба, об'являю открытым".

Театр в месте заключения. Почти в каждом месте заключения имеется театр. Обычно спектакли ставятся самими же заключенными, работающими в драматическом кружке. Но иногда приглашаются и вольные артисты. При более крупных местах заключения там, где театральная работа протекает особенно усиленно, имеются театральные художественные советы, состоящие из заключенных и руководящие всей театральной работой.

Посещение театра—радостное событие в жизни заключенных. Газеты и журналы полны отчетов о театральных спектаклях. Правильный подбор пьес делает театр в месте заключения одним из действительных орудий культурно-просветительной работы.

Спектакли и концерты. Помимо театральных спектаклей в местах заключения от времени до времени организовываются и сборные спектакли. Программы спектакля составляются учебно-воспитательной частью и утверждаются начальником места заключения. Такие спектакли и концерты часто принимают форму „вечеров самодеятельности", на которых выступают только заключенные, показывающие результат своей работы в области пения, игры на инструментах, художественного рассказывания и т. д.

Отдельные вечера посвящаются определенным политическим событиям, революционным праздникам, воспоминаниям и т. п. Революционные праздники, годовщины Октябрьской революции, Парижской коммуны, день 1-го мая, международный юношеский день, годовщина Красной армии и т. д. всегда отмечаются постановкою спектакля или специального вечера. Конечно, в дни годовщины смерти В. И. Ленина во всех местах заключения устраиваются „вечера памяти вождя".

Кино. Кино прочно вошло в обиход мест заключения. Более крупные места заключения имеют свои собственные кино-установки, а менее крупные пользуются передвижками.

Пьесы для постановки в местах заключения имеют специальный подбор.

Рис. 13. Оркестр из заключенных.

Юридическая помощь заключенным. У заключенных всегда имеется много дел и вопросов, для юридического разрешения которых нужна помощь юриста. От правильного совета и правильно написанной бумаги часто зависит судьба заключенного. Поэтому в каждом месте заключения учебно-воспитательная часть организовала юридические бюро. Большею частью бюро состоит из заключенных же юристов или лиц, сведущих в советском законодательстве. В некоторых местах заключения устраиваются дежурства членов коллегии защитников.

Вот краткие сведения из отчета юридического бюро при одном из крупных мест заключения:

„У нас в изоляторе существует Юрбюро, работающее по следующей программе: выдача разного рода справок, написание разных заявлений и ходатайств о помиловании, составление кассационных жалоб и т. п. Работа в юридическом бюро протекает очень усиленно: так за 6 месяцев принято юрбюро 8.000 лишенных свободы, составлено кассаци-

онных жалоб более 500, написано ходатайств о помиловании 750, а также заявлений в суд и прокурору до 1500 и, наконец, дано справок и советов свыше 4000.

Но оказание юридической помощи лишенным свободы не ограничивается одним юрбюро. У нас при изоляторе три раза в неделю функционирует отделение выборгской районной консультации членов коллегии защитников. Три раза в неделю: по вторникам, средам и субботам приезжает к нам член коллегии защитников и бесплатно оказывает юридическую помощь лишенным свободы.

На каждую такую консультацию вызывалось, в среднем, 20-25 человек. За 6 же месяцев перебывало от 1,400 до 1,800 человек".

Санитарно-просветительное воздействие. Лишенные свободы по необходимости живут в условиях тесноты и скученности. Они лишены и возможности движения в таких же размерах, как на воле. Поэтому им особенно необходимо соблюдать правила санитарии и гигиены и следить за тем, чтобы условия их жизни были, по мере возможности, более здоровыми. С этой целью для заключенных читаются лекции по санитарии и гигиене. Кроме этих лекций, организовываются кружки по санитарии.

Работа в санитарно-гигиеническом кружке и лекции постепенно искореняют из быта мест заключения все нездоровое и вредное. Многие лишенные свободы, которые до этих лекций совершенно не заботились о своем здоровьи, о чистоплотности, о чистоте и опрятности своих камер, после лекций в корне изменяют свое отношение ко всем этим вопросам и начинают следить за чистотой.

25. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Мы неоднократно уже указывали, что в советских местах заключения не стремятся к тому, чтобы делать из заключенных послушных автоматов, не имеющих своей воли и своих желаний, а, наоборот, считают необходимым развивать в заключенных самодеятельность, активность, инициативу.

Одним из способов достижения этой цели является самоуправление заключенных. Конечно, условия лишения свободы не дают возможности предоставить заключенным самим организовать все стороны своей жизни. Такое широкое право было бы несовместимо с теми задачами, которые, как мы видели, ставятся мерами социальной защиты. К тому же среди заключенных находится много социально-опасных, антиобщественных элементов, которые могли бы злоупотреблять предоставленными им правами, во вред и себе и своим товарищам по заключению.

Поэтому заключенным дается только известная возможность самоуправляться в тех пределах, которые могут быть полезны и для них и для всей деятельности мест заключения.

На первом месте стоят в этом отношении культурно-просветительные комиссии, избираемые заключенными из своей собственной

среды. Задача культурно-просветительной комиссии состоит в содействии укреплению самодеятельности заключенных, в вовлечении заключенных трудящихся в культурно-просветительную работу, в развитии классового самосознания случайно совершивших преступление рабочих и крестьян, в борьбе с пережитками старого быта среди заключенных и в содействии работе учебно-воспитательной части места заключения.

Для того, чтобы культпросветкомиссия могла выполнить эти задачи, на нее возлагаются следующие обязанности:

1) она должна пробуждать и развивать в заключенных интерес к политической жизни и к хозяйственному строительству Советского Союза;

2) она должна бороться с религиозными и бытовыми предрассудками среди заключенных;

Рис. 14. Физкультура у заключенных.

3) она должна устраивать культурный отдых и культурные развлечения для заключенных, а также организовывать занятия физкультурой, гимнастикой и спортом среди заключенных;

4) она должна вовлекать заключенных в санитарно-просветительную работу в месте заключения;

5) она должна проводить, по поручению культурно-просветительной части, всякого рода культурные, политические и др. кампании и культурные мероприятия среди заключенных;

6) она должна участвовать в выработке планов и программ культурно-просветительной работы среди заключенных и должна проводить эти планы в жизнь;

7) она должна помогать учебно-воспитательной части брать на учет культурные силы, которые имеются среди заключенных, и должна использовать эти силы наиболее целесообразным образом;

8) она должна содействовать учебно-воспитательной части в нахождении средств, необходимых для развития культурно-просветительной работы, при помощи привлечения денежных и иных пожертвований со стороны заключенных, самообложения заключенных и т. п.

Культурно-просветительная комиссия избирается на три месяца общим собранием заключенных и утверждается начальником места заключения. Для того, чтобы деятельность культурно-просветительной комиссии не уклонялась в сторону от ее прямых задач и не принимала нездорового характера, в комиссии участвует и председательствует в ней представитель учебно-воспитательной части. В работе комиссии принимают участие все учителя и воспитатели и врач места заключения.

От того, насколько активно и энергично работает культурно-просветительная комиссия, зависит и хорошая постановка в месте заключения культурно-просветительной работы.

Культурно-просветительная комиссия имеется одна на все места заключения. Она не в силах сама проникать во все камеры и уголки места заключения, поэтому в каждой камере и в каждом коридоре заключенные выбирают своего представителя для проведения культурной работы в камере. Смотря по тому, выбраны ли они камерой или коридором, они носят название камерных культурников или коридорных культурников. Каждый культурник должен обслуживать до 15 заключенных. Список избранных культурников представляется на утверждение начальника места заключения, и только после этого они приступают к работе.

Главная задача культурников—это вовлечение в культурно-просветительную работу возможно большего числа заключенных и содействие мероприятиям, проводимым учебно-воспитательной частью и культурно-просветительной комиссией.

Кроме этого, на них возлагаются еще следующие специальные задачи:

1) они должны получать для заключенных газеты и распределять их, а также обменивать газеты между камерами; в камере они должны организовать громкое чтение книг и беседы о прочитанном;

2) они должны вовлекать заключенных из среды трудящихся в культурно-просветительную работу при помощи товарищеского влияния на них; они должны побуждать заключенных к систематическому посещению мастерских, школ, библиотек, кружков, лекций и т. п.;

3) они должны наблюдать за аккуратным получением книг для камер и за своевременным возвращением книг в библиотеку;

4) они должны устраивать в камерах в часы досуга культурные развлечения и занятия, как, например, слушание радио, игры в шахматы и шашки и другие не азартные и не денежные игры;

5) они должны проводить, совместно с санитарно-просветительными ячейками из заключенных, различные мероприятия, имеющие целью улучшение санитарно-гигиенических условий камерной жизни и т. д.

26. ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ.

Другим весьма важным средством развития в заключенных самодеятельности и инициативы являются товарищеские суды.

Эти суды, выбираемые самими заключенными, разбирают дела о проступках заключенных, будь ли это нарушение дисциплины, установленной в месте заключения, какое-нибудь мелкое преступление (например, кража у товарища), нетоварищеский поступок и т. д.

Товарищеские суды оказывают воспитательное влияние и воздействие на заключенных, нарушающих порядок в местах заключения, борятся с остатками старого тюремного быта (в особенности с властью старых тюремных сидельцев над новичками и случайно попавшими в места заключения) и развивают в заключенных чувство ответственности перед своими товарищами.

Опыт показал, что товарищеские суды лучше поддерживают дисциплину среди заключенных, чем самые строгие действия администрации. Заключенные признают авторитет этого суда, полностью ему подчиняются и считаются с его решениями. Большинство заключенных предпочитает получить более строгое дисциплинарное взыскание от администрации, чем более мягкое от товарищеского суда.

Конечно, товарищеские суды только тогда окажутся действительно полезными, если в состав их не проникнут нежелательные элементы, которые смогут превратить суд в орудие угнетения массы заключенных в своих личных выгодах. Да и вся масса заключенных должна быть хорошо знакома с задачами суда, с его правами и с его значением. Поэтому, товарищеские суды вводятся в местах заключения с большой осторожностью. Сначала они в виде опыта организуются в небольшом количестве в местах заключения РСФСР, чтобы потом этот опыт распространить на остальные места заключения. Перед тем как ввести товарищеские суды, культурно-просветительные комиссии, при участии камерных культурников, хорошо прорабатывают сами „Положение о товарищеских судах", намечают план его проведения в жизнь, устраивают лекции и беседы о товарищеских судах, обсуждают этот вопрос в камерах и освещают его на страницах газет и журналов заключенных.

Для того, чтобы получить более точные представления о деятельности товарищеских судов, приведем пару отчетов, взятых нами из газет заключенных:

1. „В воскресенье 16 июня состоялось первое заседание товарищеского суда.

Клуб был переполнен заключенными. Чувствовалось вполне серьезное отношение заключенных к своему суду. На передней скамейке сидели обвиняемые; их было 6 человек,—все ученики школы, не посещающие занятий.

Некоторые искали себе оправдания в отсутствии белья, некоторые ссылались на задержку ужина и т. д.

Но все давали слово больше не пропускать ни одного урока.

Суд приговорил: 2 об'явить замечание, 2 строгий выговор с предупреждением и 2 оправдать".

2. „19 и 20 марта в клубе учебно-воспитательной части состоялся товарищеский суд над срочно-заключенными Н. и К., обвиняемыми в присвоении мяса и сала из общего пайка для срочно-заключенных с целью использования его для личного потребления. Н. был дежурным по кухне, а К. там же кубовщиком. Дознанием и судебным следствием установлено, что мяса было похищено 450 грамм, а сала 200 грамм. Пропажа обнаружена заведующим 2-го отделения гр. Вороновым. Срочно-заключенный К. сразу же сознался на суде, что сало было отложено им с согласия повара П., который, будучи вызван в суд в качестве свидетеля, упорно отрицал свою вину. Срочно-заключенный Н. в заключительном своем слове также сознался, что мясо было приготовлено и отложено им по научению повара и рабочих по кухне для изготовления для них ужина. В виду того, что, как установлено судебным следствием, главной причиной этого дела был повар, общественный обвинитель тов. Курицын ходатайствовал перед товарищеским судом о привлечении повара к суду в качестве обвиняемого. После совещания товарищеский суд постановил: ходатайство обвинителя удовлетворить и привлечь повара к товарищескому суду. На днях это дело будет разбираться товарищеским судом.

По окончании судебного следствия и по заслушании речи защитников, обвинителя и последнего слова обвиняемых и разбора в отдельности вины каждого обвиняемого, товарищеский суд постановил: признать виновными срочно-заключенных Н. и К. в присвоении мяса и сала и об'явить им выговор.

Приговор утвержден начальником исправительно-трудового дома".

27. КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ИСПРАВЛЯЕТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ.

Гражданская война, а также голод, посетивший в 1921 г. Поволжье, оставили после себя много сотен тысяч детей, которые потеряли своих родителей и остались беспризорными.

Эти дети разбрелись по всей стране в поисках пропитания. Беспризорная уличная жизнь, отсутствие понятия о надзоре, дурные примеры и тяжелая борьба за кусок хлеба—все это многих из беспризорных толкнуло на путь преступления. Мелкие кражи, главным образом, кражи продовольствия, стали для них источником существования.

Как только закончилась гражданская война, советская власть сразу же стала принимать самые энергичные меры для борьбы с беспризорностью и детской преступностью. На эту цель стали отпускать большие денежные средства. Целый ряд советских и общественных организаций принялся за это дело. В особенности Наркомпрос организовал большое количество детских домов и детских коммун для беспризорных. И другие органы, как ОГПУ, Наркомтруд, Деткомиссия при ВЦИК'е, занялись борьбой с детской беспризорностью.

В результате всех усилий и принятых мер, детская беспризорность сильно уменьшилась. Большое число бывших беспризорных получило трудовую квалификацию и работает на фабриках и заводах. Часть беспризорных была помещена в крестьянские семьи и стала сельско-хозяйственными рабочими.

Но имеется определенное число несовершеннолетних, которые, несмотря на все меры, которые к ним применяются, не перестают заниматься совершением преступлений. Они перебывали в различных детских учреждениях, но нигде не ужились, отовсюду бежали и возвращались на улицу. Оставлять их на воле и давать им возможность совершенствоваться в деле совершения преступления было бы нецелесообразно. Поэтому, если все меры по отношению к ним были без результатов испробованы и они продолжают совершать преступления, их направляют в специальные места заключения, т.-е. в так называемые трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей.

В отличие от детских домов, организуемых Наркомпросом, в этих трудовых домах двери закрыты, т.-е. воспитанники не могут уйти из них, когда это им вздумается. Надзиратель окарауливает эти трудовые дома от побегов, и, пока срок помещения в трудовом доме не истекает, несовершеннолетний не может уйти на волю.

В остальном же к воспитанникам применяются общие воспитательные меры, применяемые в детских домах Наркомпроса.

Цель помещения воспитанников в труддома это — обучить их квалифицированным видам труда, расширить их умственный кругозор, путем общего и профессионального образования, и создать из них самодеятельных и сознающих свои права и обязанности граждан, а вместе с тем дать им физическое воспитание и оздоровить их посредством гимнастики, спорта и гигиены тела.

В трудовых домах ведутся школьные занятия. Каждый воспитанник должен пройти школу не ниже, чем первая ступень.

Не меньшее внимание обращается на приучение воспитанников к труду, на обучение их квалифицированным навыкам. Для этого при каждом трудовом доме организуются производственные предприятия фабричного типа, снабженные современными станками и машинами.

Кроме школьной работы и обучения труду, в трудовых домах ведется большая внешкольная работа. Работают кружки, читаются лекции, ставятся спектакли и концерты, показывается кино, имеется библиотека и читальня, организованы занятия физкультурой, спортом и гимнастикой.

До самого последнего времени ребята помещались в трудовые дома на краткие сроки. Это лишало возможности провести до конца воспитательную работу над ними. Теперь этот порядок изменен и ребята посылаются в трудовые дома на срок „до исправления" (но не дольше достижения ими 18-летнего возраста).

В трудовых домах воспитанникам предоставляется широкое право самоуправления. Воспитанники организуются по образцу пионеротрядов. Исправившиеся и получившие квалификацию воспитанники, по мере возможности, после освобождения устраиваются на фабрики и заводы.

Большинство воспитанников трудовых домов—закоренелые рецидивисты. Многие из них — алкоголики, все поголовно курят, а часть нюхает на воле кокаин. Работа над ними очень трудна и требует огромного терпения и любви к делу. Поэтому даже небольшие результаты достигаются здесь с большим трудом и служат доказательством правильности того пути, по которому советская власть пошла в деле борьбы с детской преступностью.

Мы приводим стихотворение, написанное бывшим воспитанником московского трудового дома (сокращенно — Мосtруддом). Написанное простым бесхитростным языком, оно является искренним выражением чувств воспитанника.

Это стихотворение гласит так:

Когда-то был я заключенным,
Когда-то был преступник я,
Не видя детства и своей воли,
Я каждый год сидел в тюрьме.

Но вот настала власть советов,
Что-то стало легче мне,
Но за одно я преступленье
Попал в советский исправдом.

И отбыл там я наказанье,
Решил покинуть весь притон,
И остаюсь я в Мострудломе
И стал работать в мастерской.

Нас в Мострудломе таких много,
Решив оставить весь притон,
Оставить свое преступленье
И работать в мастерской.

Когда-то был я заключенным,
Когда-то был преступник я,
А теперь я все оставил
И стал честный гражданин.

28. ЛЬГОТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫМ. ЗАЧЕТ РАБОЧИХ ДНЕЙ. УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ.

В старых царских тюрьмах безнадежность и отчаяние владели каждым заключенным. Когда он входил в тюрьму, он знал, что не выйдет из нее раньше, чем не истечет полностью срок лишения свободы, назначенный ему приговором суда. Ни на минуту раньше не мог быть освобожден заключенный.

Такое положение отнимало у заключенного всякое желание работать, учиться, развиваться, проявлять инициативу. Для чего было все это, если все равно тюремные двери не раскроются перед ним ранее назначенного судом срока? Неудивительно поэтому, что в царских тюрьмах среди заключенных царствовало уныние, бездеятельность, безразличие и лень. Заключенные с каждым днем лишения свободы все более и более опускались, теряли всякую энергию, способность бороться за существование и желание проявлять в чем-нибудь инициативу. За долгие годы сидения в тюрьме они делались совершенно неспособными к борьбе за существование и по выходе на свободу им не оставалось ничего другого, как снова совершать преступления.

Немногим иначе обстоит дело и в тюрьмах буржуазных стран. Самые длительные сроки приговора полностью в них соблюдаются. И крайне редко отдельным счастливцам удается выйти на свободу немного раньше назначенного им срока.

Советская власть не смотрит на заключенного, как на отверженного, неисправимого человека и стремится к тому, чтобы из каждого заключенного трудящегося сделать полезного члена общества. Поэтому и лишение свободы она строит так, чтобы у заключенного появилось желание работать над собою, развиваться, учиться, приобретать трудовые навыки, одним словом, приспособляться к трудовой жизни.

Чтобы достичь этой цели, советское исправительно-трудовое законодательство пользуется различными средствами. Прежде всего все заключенные разделяются на разряды: низший, средний и высший. Чтобы попасть в средний разряд, нужно пробыть не менее определенного срока в низшем. Чтобы попасть в высший разряд, нужно опять не менее определенного срока пробыть в среднем разряде.

А что дает переход в следующий разряд?

Он улучшает условия жизни в месте заключения, дает различные льготы и преимущества. Чем выше разряд, тем чаще заключенный получает свидание с близкими, тем больше передач с воли он может получить, тем свободнее заключенному в самом месте заключения, тем легче он может рассчитывать на отпуск и тем более продолжительный отпуск он может получить.

Таким образом, судьба заключенного зависит от него самого. Чем лучше он будет вести себя, чем усерднее он будет работать в мастерской и чем прилежнее он будет учиться в школе, тем скорее он перейдет в следующий разряд и тем лучше ему будет жить в месте заключения.

Но это еще не все.

Всякому понятно, что самое сильное желание каждого заключенного—это как можно скорее выйти на свободу. Воля, свобода, освобождение—это то, о чем больше всего и сильнее всего думает и мечтает заключенный. И этим нужно воспользоваться, чтобы побудить заключенного, как можно успешнее работать над самим собою.

Это достигается двумя путями.

Прежде всего заключенный имеет возможность сократить срок своего пребывания в месте заключения, если он будет особенно продуктивно работать. Существует закон, по которому проявление заключенным из среды трудящихся особо продуктивного труда и приобретение им профессиональных знаний и трудовых навыков, которые свидетельствуют о том, что он приспособляется к трудовому общежитию, может поощряться тем, что каждые такие два дня работы засчитываются ему за три дня лишения свободы. Иными словами, зачет рабочих дней может сократить срок лишения свободы на одну треть. Конечно права требовать зачета заключенный не имеет. Зачет может быть дан ему и может быть не дан. Это зависит от многих обстоятельств: и от того, как себя заключенный ведет, и от того, какое преступление он совершил, и от того, к какому классу он принадлежит. Само собою разумеется, что растратчики, взяточники, рецидивисты-профессионалы, классовые враги и заключенные из среды нетрудящихся, не имеют надежды получить зачет рабочих дней. Случайные же преступники, рабочие, крестьяне и особенно трудящиеся, совершившие не столь опасные преступления, если они будут действительно работать продуктивно, получат зачет без всяких затруднений.

Зачитываться могут не только физические работы, но и всякие общественно-полезные работы (канцелярские, по культурно-просветительной части, хозяйственные и другие).

Понятно, что надежда на зачет рабочих дней побуждает заключенных к особо продуктивной работе. А для того, чтобы продуктивно работать, нужно хорошо усвоить трудовые навыки, стать квалифицированным рабочим. А это, в свою очередь, и есть как раз то, что нужно для приспособления заключенного к условиям трудового общежития.

Но, помимо зачета рабочих дней, есть еще и другой путь для сокращения срока пребывания в месте заключения.

Советская власть считает, что лишение свободы только тогда имеет смысл, когда оно целесообразно. Держать же в тюрьме человека, который исправился уже и который перестал быть опасным для общества или же который совершил преступление, бывшее когда-то социально-опасным, а потом свою опасность утратившее, было бы явно нецелесообразно и бессмысленно. Вот почему законодательство РСФСР содержит правило, по которому заключенный, отбывший половину срока, назначенного ему приговором суда, может быть условно-досрочно освобожден, если он обнаружит признаки исправления.

Такое освобождение называется не только досрочным, но и условным по той причине, что заключенный освобождается под условием, что он в течение оставшегося ему срока лишения свободы не совершит, находясь на воле, нового приступления, не менее важного, чем то, за которое он был осужден. Если же заключенный не оправдает оказанного ему доверия и совершит в течение испытательного срока новое преступление, то суд имеет право к той мере социальной защиты, которую он к нему применил по этому новому преступлению, прибавить еще и неотбытую им часть срока по первому делу.

Ясно, что заключенный, стремясь к условно-досрочному освобождению, будет и усердно работать, и прилежно заниматься, и хорошо вести себя. А все это и нужно для того, чтобы „исправиться", т. е. приспособиться к условиям трудового общежития.

Конечно условно-досрочное освобождение предоставляется с большой осторожностью. Особенное внимание обращается на степень опасности совершенного преступления, на причины, толкнувшие заключенного на преступление, на социальное положения заключенного, на то, как он вел себя, как работал и учился в месте заключения и т. д. Опыт показывает, что больше всего удовлетворяются просьбы об условно-досрочном освобождении заключенных крестьян и рабочих. Совершившие растраты, взятки, контрреволюционные преступления и особо-опасные преступления против государства, а также заключенные, происходящие из среды нетрудящихся, как правило, условно-досрочно не освобождаются.

29. ПОМОЩЬ ОСВОБОЖДАЕМЫМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ.

Одной из задач деятельности исправительно-трудовых учреждений является предотвращение повторения заключенным нового преступления после его освобождения. К чему свелось бы значение всей проделанной в месте заключения большой работы над заключенным? если бы он, выйдя на свободу, снова совершил преступление?

Между тем, почти каждый заключенный, а особенно долгосрочный, по выходе на свободу, попадает в очень тяжелое положение, которое часто толкает его снова на путь преступления. Друзья и родные обычно растеряны, квартиры нет, работы нет, профсоюзные права утеряны, денег на то, чтобы выждать, пока удастся получить работу, тоже имеется недостаточно. Одним словом, все складывается так, что даже „исправившиеся" заключенные, вышедшие на свободу с твердым намерением больше никогда не совершать преступлений, часто попадают в такое положение, выйти из которого они не могут, и поэтому они совершают, в конце-концов, новое преступление.

Понятно поэтому, что для борьбы с повторными преступлениями необходимо оказывать помощь освобождаемым заключенным. Государству и обществу гораздо выгоднее потратить на это некоторые средства, чем допускать освобождаемых заключенных до совершения новых преступлений, которые государству обходятся дороже.

Вот почему в РСФСР имеется Всероссийский и местные комитеты помощи освобождаемым из мест заключения и их семьям, а на Украине общество „Долой преступность". Эти учреждения ставят своей задачей оказывать освобождаемым заключенным ту помощь, которая дала бы им возможность, хотя бы на первое время, не попасть в то тяжелое положение, выходом из которого часто является новое преступление. Помощь оказывается самым разнообразным образом. Те из заключенных, которые отбывали лишение свободы не на родине или в месте постоянного жительства, получают бесплатно билет до родины или постоянного места жительства, где им уже лег-

че устроиться и получить работу. Тем, кому уехать некуда, оказывается другая помощь: дается на первое время жилье, бесплатные обеды, небольшая денежная помощь и оказывается содействие к устройству на службу или на работу.

Кроме того, учреждения по оказанию помощи освобожденным заключенным организовывают свои собственные предприятия, в которых освобожденные могут получать работу на некоторое время (до 6 месяцев, а в виде исключения до одного года), пока они не найдут себе постоянной работы. Этот вид помощи, конечно, самый целесообразный, но его труднее всего организовать, потому что он требует вложения крупных денежных сумм.

Помощь оказывается не только заключенным, но и их семьям, которые часто попадают, благодаря аресту мужа, отца и т. д. в безвыходное положение. Поэтому лицам, находившимся на иждивении заключенного, оказывается такая же помощь, как и самим заключенным.

К сожалению помощь, оказываемая в настоящее время освобождаемым заключенным и их семьям, еще недостаточна. Для того, чтобы развить ее, необходимы разные условия. Одним из главных условий является привлечение к этому делу советской общественности. На предприятиях нужно организовывать ячейки содействия и т. д. Административно-правовые секции советов должны быть привлечены к активной работе в комитетах помощи. Только тогда это дело станет на должную высоту.

А как важна для освобождаемых помощь, видно из следующих писем бывших заключенных:

1. „Больше десяти лет носил я тяжкий камень преступления. Мне казалось, что за мной следят: шел ли я через город, сидел ли я в театре или на базаре,—везде приходилось оглядываться, как затравленному. Отсидев свой срок, я вышел на волю. Благодаря обществу „Долой преступность" я работаю уже больше 10 месяцев на постоянной работе в типографии. По городу хожу свободно, не озираясь, и чувствую себя хорошо. Глубоко благодарен обществу „Долой преступность", которое дало мне возможность стать честным трудящимся".

2. ... „Шлю тысячу благодарностей обществу „Долой преступность", благодаря которому я получил работу и не сделался рабом улицы и преступления"!!

3. ... „Освободясь, я обратился за помощью в общество „Долой преступность". Меня послали на завод, где я сразу же увидел труд и хорошее отношение. Обращаются здесь со мною не как с бывшим преступником, а как бы со своим товарищем рабочим".

30. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ.

Как бы ни было хорошо и целесообразно организовано лишение свободы, оно всегда несет за собой неизбежный вред для заключенного. Заключенный отрывается от своей обычной среды, теряет с нею связь

попадает в общество преступников, испытывает на себе все тяжкие последствия жизни в неволе.

Вот почему советская власть с первых же дней считала, что не только не следует злоупотреблять лишением свободы, но что нужно всячески ограничивать его применение. Во всех тех случаях, когда лишение свободы можно заменить какой-либо другой мерой социальной защиты, это необходимо сделать.

В особенности следует избегать лишения свободы на короткие сроки (скажем до одного года). Такое лишение свободы не приносит хороших результатов и имеет только плохие стороны. Исправить человека за короткий срок нельзя. Коротким сроком нельзя и повлиять на человека. Посидев неделю в месте заключения и не испытав тяжести длительного лишения свободы, преступник теряет всякий страх перед заключением и более легко идет на преступление, чем он это делал до первого ареста.

А между тем и за короткий срок лишения свободы человек теряет службу и работу, отрывается от обычной трудовой среды. По освобождении ему трудно найти работу и ему угрожает совершение нового преступления.

Имеется поэтому постановление правительства о том, что в места заключения следует направлять, главным образом, классовых врагов и деклассированных преступников—профессионалов и рецидивистов; всем же трудящимся, совершившим преступление случайно, в первый раз, по бессознательности или вследствие тяжело сложившихся обстоятельств, по мере возможности заменять лишение свободы другими мерами.

Этих мер есть несколько: штраф, снятие с должности, выговор, общественное порицание и т. д. Но все эти меры не всегда могут заменить лишение свободы. Больше всего для этого подходит другая мера, а именно: принудительные работы без содержания под стражей.

Эта чисто советская мера (в буржуазных государствах она вовсе неизвестна) состоит в том, что осужденный к ней принудительно работает в течение рабочего дня, а все остальное время он совершенно свободен.

Если осужденный к принудительным работам служит где-либо или работает по найму, то он продолжает там же служить и работать. Но ему выдается только от 25% до 50% получаемой им заработной платы, а остальная часть удерживается и идет в пользу бюро принудительных работ.

Если же осужденный к принудительным работам не имеет работы, то он направляется на работу в различные предприятия, на фабрики, на общественные работы, на работы по постройке дорог, очистке путей от снега и т. д. За эту работу принудработник ничего не получает. Однако суд может, приняв во внимание имущественное и семейное положение осужденного, обязать уплачивать ему во время отбывания принудительных работ госминимум, установленный для данной местности.

31. ССЫЛКА И ВЫСЫЛКА.

Советское уголовное законодательство, как мы уже говорили, прибегает к лишению свободы только в крайних случаях, когда применение всех других мер социальной защиты является нецелесообразным. Поэтому советское уголовное законодательство стремится, вместо лишения свободы, организовывать другие меры социальной защиты. С одной из таких мер—принудительными работами без лишения свободы—мы уже познакомились. Другими такими мерами являются ссылка и высылка.

Ссылкой называется поселение на срок в определенной местности без права оставить эту местность до окончания срока. Правда, ссылка может назначаться в качестве дополнительной меры к лишению свободы. В таких случаях заключенный после освобождения не имеет права направиться, куда он хочет, а должен поселиться на назначенный срок в определенной указанной ему местности. Но ссылка может назначаться и в качестве самостоятельной меры и в этом случае она заменяет собою лишение свободы.

По действующему закону ссылка может назначаться на срок до 5 лет и притом по небольшому числу преступлений. Согласно же внесенного в законодательные органы проекта, ссылка сможет назначаться на срок до 10 лет почти по всем серьезным преступлениям.

Согласно этого же проекта ссылка будет двух видов: соединенная с принудительными работами и без принудительных работ. В случае соединения ссылки с принудительными работами, ссыльный будет свободно проживать в месте ссылки, но должен будет ежедневно являться на назначенную ему работу.

Когда проект о ссылке станет законом, ссылка сможет в большом числе случаев заменять лишение свободы.

Высылкой называется запрещение проживать в определенной местности или определенных местностях с тем, что в остальных местностях высланный может проживать. Эта мера социальной защиты должна назначаться в тех случаях, когда общественная опасность преступника устраняется одним тем, что он будет удален из той местности, где он проживал. И эта мера может в ряде случаев заменить лишение свободы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 60 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР
Москва, ГСП 2, Новая площ., 14, пом, 29.